

Нина
Сорокина

С видом
на Париж,

или

Попытка детектива

роман

{рассказы}

Нина Соротокина

**С видом на Париж, или
Попытка детектива (сборник)**

«У Никитских ворот»

2017

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Соротокина Н. М.

С видом на Париж, или Попытка детектива (сборник) /
Н. М. Соротокина — «У Никитских ворот», 2017

ISBN 978-5-00095-350-1

Широкому читателю Нина Соротокина известна в основном по роману «Трое из навигацкой школы», послужившему основой для создания серии фильмов под общим названием «Гардемарины, вперед!» Но начинала Нина Соротокина свою писательскую деятельность с рассказов. В эту книгу входят ироничный детектив «С видом на Париж, или Попытка детектива» и рассказы, как ранее опубликованные, так и новые. Они написаны просто, внятными русским языком, с ненавязчивым юмором и уважением к своим героям.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00095-350-1

© Соротокина Н. М., 2017
© У Никитских ворот, 2017

Содержание

С видом на Париж, или Попытка детектива	6
Вместо предисловия	6
1	8
2	12
3	15
4	19
5	23
6	29
7	34
8	37
9	42
10	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Нина Соротокина
С видом на Париж, или Попытка детектива

© Соротокина Н.М., 2017

© Оформление. ИПО «У Никитских ворот», 2017

С видом на Париж, или Попытка детектива

Вместо предисловия

Я сижу в подвале неведомого мне дома под Парижем, сижу под замком, а стало быть, я узница, а может, заложница, черт поймет придурков, которые меня сюда затолкали. Под потолком темный квадрат окошка, перечеркнутый решеткой. Тишина такая, что кажется – заложило уши. Даже шум проезжающих машин не доносится до моего узилища.

Решетка на окне старая, прутья прогнуты, а сам подвал просторен и крепок. Наверное, раньше здесь хранили вино, о чем свидетельствуют черные от времени бочки с трогательными краниками. Сейчас бочки неприметно стоят в углу, а все прочее пространство завалено старым хламом: разномастной битой посудой, тряпье какое-то с рваными кружевами, ящик с бранными телами, которые когда-то были куклами, пыльные газеты, перевязанные бечевой, полустлевшая сбрау, зонты с поломанными спицами.

Глупейшая ситуация! Время от времени я щиплю себя за икры в надежде, что все это сон и я сейчас проснусь. Но относительно «проснусь» – это для красного словца. Просто артритные ноги страшно отекли и кажутся чугунными.

Плешивый идиот в жилетке имел наглость проверить мою сумку. Что он там хотел найти – пистолет или финку с запекшейся кровью? Зажигалку не изъял, видимо, мысль, что я от злости могу поджечь их гадюшник, просто не пришла ему в голову. Плохо, что сигарет всего три. Надо было не корчить из себя обиженную справедливость, а стащить со стола пачку «Галуаза». Но тогда я еще не знала, что они ведут меня в подвал.

Вчера утром Алиса сунула мне в сумку свежую распечатку по истории Франции. Надо было бы раньше предпринять экскурсии в интернет, но Алиса стеснялась пользоваться чужим компьютером. В мире все стоит денег, а в Париже особенно. Я и забыла про эту распечатку – не до того было.

Конечно, очередные сведения про Марию-Антуанетту. Удивительно, как волнует людей чужая насильственная смерть. Будь ты хоть семи пядей во лбу, но, если ты умер в своей койке, ты куда менее интересен обществу, чем замученный, казненный или сам наложивший на себя руки. Особенно всех волнуют женщины: Клеопатра, Жанна, Мария Стюарт, Мария-Антуанетта... Список можно продолжать... Соколова Мария Петровна. Правда, моя смерть может взволновать только сына и подруг. Плешивый бросил взгляд на бумагу и отбросил ее безразлично. Русский текст его не заинтересовал. Второй негодяй – предатель! – вообще старался на меня не смотреть. Он упорно смотрел в черное окно.

На этот раз Алиса перепечатала мне сведения о сватовстве королевы, тогда еще тринадцатилетней девочки. Больше всего меня поразило, что, передавая принцессу из дома Венского в дом Парижский, несчастную девочку Марию-Антуанетту в присутствии всей свиты раздели догола и облачили в одежды французского производства: чулки, рубашку, подвязки, платье, украшения. Даже собственный крестик не могла привезти в свой новый дом будущая королева. Бедный ребенок!

А с чего сватовство началось? Хотите расскажу? Материал под рукой, а мне сейчас совершенно нечем заняться. Австрийский канцлер Кауниц и министр Людовика XV Шуазель решили создать оборонительный союз против Англии, России и Бранденбурга, а для этого надо было слить вместе две ветви Габсбургов и Бурбонов. Молодым, неокрепшим ростком Габсбургов была дочь Марии-Терезии – юная Мария-Антуанетта. Другой вялой, неуверенно растущей веткой был французский дофин – внук Людовика XV. Свадьба была назначена на пасхальную неделю 1770 года.

О единстве политических интересов две державы договорились быстро, теперь надо было найти общий язык в сочетании французских и австрийских церемониалов. В XVIII веке этикету и традициям придавали очень большое значение. Целый год болтались туда-сюда курьеры, Вена и Париж обсуждали мельчайшие подробности: какие подарки дарить молодым, конечно, размер приданого, кто встретит юную принцессу, сколько статс-дам, кавалеров и какого ранга будут сопровождать принцессу. Нужны еще камеристки, священники, врачи, лекари, обслуга, и не абы сколько, а определенное количество. Но это мелочи, главное правильно составить брачный контракт.

Австрия не хотела продешевить. Мария-Антуанетта была очень хороша собой: грациозная, голубоглазая, с великолепными пепельного оттенка волосами, изгибистой шейкой и осинной талией. Она писала с ошибками, не знала истории и географии, но великолепно танцевала. В музыке ее наставлял сам великий Глюк.

Договорились наконец. В Вену прибыл сват Дюрфур, а с ним сорок восемь карет в сопровождении одетой с иголки лейб-гвардии. Венчание состоялось по доверенности, дофина заменил эрцгерцог. После шумного празднества свадебный кортеж двинулся в сторону Парижа.

Для торжественной передачи невесты было выбрано нейтральное пространство – крохотный островок на Рейне. Здесь был построен павильон. В одной из его комнат и произошло описанное выше раздевание принцессы. Затем все проследовали в зал. Свитские с той и другой стороны разместились вокруг стола, середина которого символизировала границу между Францией и Австрией. Торжественная речь – и далее почти балет. Мария-Антуанетта отпускает руку графа Штаремберга и вкладывает дрожащие пальцы в руку французского шафера. Они медленно обходят стол. Во время их движения австрийская свита пятится к двери. В тот момент, когда условная граница была пересечена, австрийков в павильоне уже не было.

Господи, о чем я думаю? Какое дело мне сейчас до Марии-Антуанетты и ее ужасной смерти? Но сложенный вчетверо листок – это словно привет от моих девочек. Мне кажется, что бумага чуть-чуть пахнет Галкиными духами. Боже мой, что они чувствуют сейчас после дурацкого телефонного разговора?

Хоть бы дождь пошел, что ли... Капель за окном успокаивает.

Вот еще интересная подробность. Перед церемонией передачи невесты горожане Страсбурга, дабы украсить павильон, послали старинный гобелен, созданный по картону Рафаэля. До приезда невесты охрана павильона, за плату, разумеется, иногда пускала в павильон любопытствующую публику. Среди прочих в павильон попал молодой Гете. Вид страсбургского подарка его поразил. Он был возмущен глупостью горожан и беспечностью декораторов. Гете воспринял гобелен как плохое предзнаменование. Старательная рука ткача выткала древнегреческую свадьбу – одну из самых ужасных на свете. Ясон уже бросил Медею и решил жениться на дочери царя Креонта Главке. Оскорбленная Медея послала Главке в подарок отравленные одежды. Главка гибнет на собственной свадьбе. Креонт пытается сорвать с дочери отравленный пояс и тоже гибнет. Что дальше случилось с Ясоном и Медеей, вы знаете сами.

А вот и зеленый матрас – старый знакомый. Обивка у него распорота. Что-то в нем прятало. Нелишне еще сообщить, что на дворе 1988 год, то есть «лихие девяностые». Но это они у нас лихие, а Франции какого рожна от меня надо?

Осталась одна сигарета. Нет, не буду больше курить, это на утро. Но настанет ли оно, это утро? Мерзавцы сказали, что, если я не выполню их требований, меня убьют.

А начиналось все так хорошо и весело.

1

А начиналось все так хорошо и весело. Напомню, у нас 1997 год. С одной стороны – это «лихие девяностые», с другой – мы самая свободная нация в мире.

Началом этой истории послужили три глобальных события, разнесенные во времени с интервалом в месяц: я продала мамин рояль, мне предложили идти в писатели, из Дюссельдорфа позвонила Алиса и позвала меня в Париж. Каждое из этих событий стоит вроде бы наособицу, но, не продай я мамин рояль, вообще бы не о чем было говорить, потому что с этой продажей я стала сказочно богатой и независимой. Две тысячи баксов, простите, долларов, отвалили мне за семейную реликвию, я таких денег отродясь в руках не держала.

Несколько слов о себе. Всю жизнь я проработала в НИИ. Инженер я никакой, мне и друзья говорили, что во мне преобладает гуманитарная жилка. Но когда я поступала в институт, физики были в почете, а лирики в загоне. По опыту скажу, работать с гуманитарной жилкой в техническом НИИ люди могут, но заниматься в «эпоху перемен», как называют наше проклятое время, торговлей или предпринимательством совершенно не в состоянии. А тут и пенсия подошла.

Вообще-то грустно. Муж умер, сын вырос, внуки пошли в школу. Сбережения мои остались в сберегательной кассе. Если их в новые деньги перевести, а потом опять в старые, то это меньше рубля. Сын – физик, и, в отличие от меня, без гуманитарного уклона, то есть предан науке и бросать ее не собирается. Невестка – врач, тоже в жемчугах не купается. Это я к тому говорю, что на их помощь я не рассчитывала.

Промаявшись полгода на деньги, которые наше правительство условно называет пенсией, я совсем заскучала. И тут – чудо. Нашелся покупатель. Чей-то сын, консерватория, нужен хороший инструмент... все как в сказке. Вначале я решила – нет, я детям ничего из этих денег не дам, буду просто делать подарки и добавлять каждый месяц себе к пенсии. Но скоро я поняла, что одними подарками здесь не обойдешься. Да и кто другой поможет сыну, кроме матери.

Однако судьба не остановилась в своих благодеяниях. Я воочию вижу усталого ангела в очках. Он уже поставил около моей фамилии положительную галочку, но потом почесал свой золотистый затылок. В том смысле почесал, что такой бедолаге, как я, мало дать просто рыбу, ей нужна еще и удочка. Я не люблю эту иностранную поговорку, чуждую нашему менталитету. Удочка в нашем сознании никак не объект работы, а скорее предмет для шуток (я сматываю удочки!), но что делать, эта поговорка сейчас очень в ходу. Словом, ангел принялся опять листать книгу судеб и нашел в ней юного Павлика, молодого дельца с неоконченным техническим и сына моей бывшей сослуживицы Ангелины Феоктистовны.

Она не была моей подругой, как, скажем, Алиса, но всю жизнь мы были в хороших отношениях. Когда Ангелина уехала с мужем в Америку, я помогла ей сдать квартиру приличным людям. Сыну сняли однокомнатную. Потом она мне позванивала из Бостона: как там Павлик, зайди к нему, посмотри, что у него там, а потом напиши. Ходила, писала. Павлик как Павлик, усы пробиваются, мажет прыщи какой-то дрянью, мотается по дискотекам.

Когда Ангелина вернулась в отечество, Павлик уже бросил Бауманский и занялся книгопечатанием. И как это ни смешно – успешно.

Можно и не писать так подробно про Павлика с Ангелиной, потому что ни мать, ни сын не имеют к дальнейшим событиям ни малейшего отношения, но надо же объяснить, как в мои руки попал диктофон – чудо современной техники.

Мы встретились с Ангелиной у нее на квартире, винца выпили, и стала она мне показывать американские фотографии, одну другой краше: это наш дом, это гостиная, это сад, это бассейн... Я не выдержала:

– Гелька, как же ты оставила такую красоту?

– Ну, вообще-то мужа перевели. А я и рада. Там же общаться не с кем. Смертная тоска. Вообще, без языка трудно.

– Неужели там русских нет?

– Есть. Нашими соседями, например, были новые русские, милейшие люди. Он обворовал обменный пункт, унес пятьсот тысяч долларов и дернул в Америку. И все это знают.

А дальше мне Ангелина рассказала про них такую историю. За два года богатой жизни соседи спустили полмиллиона и уже стали подумывать, как жить дальше.

Тут я не выдержала:

– Как можно за такой короткий срок спустить такую сумму денег?

– Потому для нас Америка и загадка, – невозмутимо ответила Ангелина. И продолжила рассказ. – Стали думать, как жить дальше. Можно, конечно, вернуться домой и открыть новый обменный пункт, но опасно. А здесь, в Бостоне, – как заработать? И вот в разгар хандры соседка, а надо сказать, она в свое время сидела где-то в Башкирии за растрату, решила написать стихи и послать их в местную печать. Как все уголовницы, она была сентиментальна и велеречива. Стихи получились длинные, горестные и непритязательные. Вся семья их месяц переводила на английский. Послали. Вскоре выяснилось, что стихи не только напечатали, но и дали за них нестыдный гонорар. Идея вернуться в Россию была моментально забыта. «Пока платят, стихами будем жить!» – сказала новоиспеченная поэтесса.

Я рассмеялась:

– Не помню где, но точно у Марка Твена я прочла эту фразу: «Бог создал Америку, чтобы опошлить вселенную».

– Да ладно... опо-о-шили... – Ангелина передразнила меня с выражением. – У нас вон тоже все пишут. А тебе чего не писать? Ты начитанная, ты любишь живопись и разбираешься в музыке. Если бы у меня был гуманитарный уклон, я бы непременно писала. А Пашка тебе поможет с публикацией. У него все пишут, а уж для своих...

И подарила мне диктофон, мол, первое дело для писателя. Конечно, у меня закралось подозрение, что Ангелина решила приобщить меня к литературе только для того, чтобы пристроить диктофон за полной ненадобностью. Наверное, этот черненький японский прибор ей тоже кто-то подарил. Ангелина еще не избавилась от атавистической привычки делать после возвращения в отечество подарки. Видимо, она считала себя мне обязанной. А здесь все так прилично, портативно... Игрушка и правда была замечательная. Я поддалась искушению и поехала к Павлу в издательство.

Что это у черта на рогах, оно и так понятно, что помещение крохотное, арендованное у какого-то института, можно догадаться, а вот как они в эдакой тесноте и малым составом делают деньги, для меня было тайной. Главная их продукция – детективы, а производительность как у процветающей птицефабрики.

Павлик всегда относился ко мне уважительно, а тут он и вовсе открыл карты:

– Мама говорит, что у вас получится. Главное, чтобы был выдержан жанр. Ну, вы понимаете, тетя Маш, секс и трупы. Но у нас обязательное условие. Все это должно происходить у них. Можно, конечно, запустить туда новых русских, но лучше не надо. Предпочтительнее, чтоб действие происходило в Америке. Почитайте, подумайте. В нашем деле хорошо – свежий глаз. Я покупаю ваш роман на корню и плачу пятьсот долларов. Поверьте, это хорошие деньги.

Я поверила.

– Роман выйдет под псевдонимом.

– Я и сама об этом подумала. Возьму мамину девичью фамилию...

– Нет. Псевдоним мы придумаем сами. Я покупаю ваши авторские права. А для лучшей реализации книг предпочтительнее иметь на обложке иностранное имя. Понимаете?

Не сразу, но поняла. Их продукция была в изобилии выставлена на стеллажах. Обложки сияли химической радугой: полногрудые дивы, супермены с квадратными подбородками, топоры с каплями крови... И везде иностранные авторы.

«Так, значит, все это пестрое детективное богатство лепили наши безвестные герои? – хотела я спросить у Павлика. – Значит, вы покупаете рукопись, сочиненную голодной студенткой или несытой пенсионеркой, придумываете автора: Амар Роям, Сильвия Берлусконе, Освальде Лапорте...» Не спросила. Павлик сидел, застенчиво потупив взор, но выражение лица у него было суровое.

Честно скажу, я пыталась. Никогда я не читала столько детективов одновременно. Себе я говорила – учусь. Вспоминая жену хозяина русского обменного пункта и ее стихи, я твердила полюбившуюся мне цитату: «Бог создал Америку для того, чтобы опошлить мир». Это не абы кто написал, а Марк Твен. И еще я себе говорила: не надо чваниться. Тебе крупно повезло. Мы вливаемся в мировую культуру. Если Америке нужна поэзия с блатным душком, а России детективы, то где-то в духовном плане мы равны. Во всем прочем, правда, несколько отстаем.

А потом мне позвонила Алиса. Она физик, умница, она востребована европейскими университетами, она моя любимая подруга, только видимся мы в последнее время редко.

– Маша, это я. Думай быстро. Ты можешь поехать в конце мая в Париж? Поедет еще Галка. На всю поездку нужна тысяча, долларов, разумеется.

Я раздумывала секунд пять.

– Конечно, могу.

– Хорошо. Тогда я сегодня же пошлю на твое имя приглашение. Оформляй паспорт. Поездка будет обалденная. Я купила подержанный тарантас. Вы прилетите с Галкой в Дюссельдорф, оттуда мы поедем в Амстердам, далее везде... Мужайся, старушка.

Оглушила, право слово, оглушила. Потуги с детективом были забыты. Я ходила в ОВИР, стояла в очередях, потом оформляла визу и опять стояла в очередях. Более того, в течение недели я ездила в семь утра отмечаться в немецкое посольство. Наконец и билет, и виза были у меня на руках.

Накануне отъезда я позвонила Павлику.

– Это Мария Петровна говорит. Вот какое дело, мой хороший. Мне здесь подвернулась поездка по Европе. Как ты смотришь на то, что я напишу путевые заметки... так сказать, пособие туристам: исторические места и все такое...

Трубка молчала. Но, во всяком случае, он не сказал сразу «нет».

– Можно будет написать это руководство с юмором. Знаешь, даже некую ситуацию придумать. В конце концов, «Трое в одной лодке», ну и так далее, тоже задумывался как путеводитель.

– «Трое в одной лодке» в пяти издательствах выходило, – мрачно резюмировал Павлик.

– Это я так, к слову. Мы возьмем... Ты возьмешь иностранный псевдоним, а я уж не подкачаю. Давай напишем, а, Павлик?

– Ну не знаю, тетя Маш. Это же кот в мешке. Пишите, конечно, что-нибудь придумаем. Может быть, потом выкроем из вашего материала «Историю Франции для детей».

– Павлик, я буду в Париже десять дней. Из этого «Историю Франции» не скроишь.

– Ну, поработаете потом в библиотеке.

– Может быть, для этой цели лучше взять специалиста?

Он вздохнул и замолчал надолго. Тишина на том конце провода вопила: «А вас куда?» Если бы не мамина просьба, он давно бы послал меня к черту. Ну и ладно. Мне сейчас не до политесов. И никакие комплексы меня не мучают. Буду писателем по благу. Не получится писателем, стану историком.

– До свиданья, мальчик, – крикнула я бодро. – Я буду стараться. Это будет повесть с видом на Париж. – Трубка мне ответила короткими гудками.

Диктофон с собой я взяла.

2

Как объяснить новому поколению, чем был для нас выезд за границу? Я принадлежу к шестидесятникам, ну, несколько помоложе. Выезд за бугор в наше время считался счастливым билетом, который выигрывал один на миллион, не в этом дело. Побывал за границей – значит, ты избранный, ты увидел мир, привез шмотки и выбился из ряда равных тебе в бедности.

Но за счастье надо было платить унижением. Помню, моя тетка собиралась на какую-то сходку в Чехословакию, конференцию или съезд работников коммунального хозяйства. Помимо чудовищных разговоров с гэбэшниками, райкомом, огромных, как простыни, анкет, бесконечных экзаменов по международной обстановке она должна была еще собрать десять медицинских справок. Зубы, гинеколог, прямая кишка – это понятно, святое дело, но, оказывается, надо было еще провериться на вменяемость.

Почему-то по последнему пункту врач принимал тетку в сумасшедшем доме и задавал такие вопросы, что совершенно поставил ее в тупик. Тетка перепугалась до полусмерти, решив, что больше она на волю не выйдет. Что мог засвидетельствовать этот эскулап, если сам нуждался в смирительной рубашке? Но последняя подпись была поставлена, печать прихлопнута... И все рухнуло. Это был 68 год. Не буду напоминать, что случилось в Чехословакии в этом году. Съезд работников коммунального хозяйства не состоялся.

Обо мне речи нет, я тогда была невыездной, потому что работала в «ящике». Я даже знакомиться с иностранцами не имела права, о чем дала какую-то там подписку. Слава богу, у меня хватило ума вовремя уйти из этой крутой организации. Но даже если ты ушел из «ящика», за тобой, как шлейф, тянется дурная слава приобщенного к государственной тайне. И это вовсе не зависит от того, какую работу ты вел, важен уровень секретности, которым тебя пометили, как корову клеймом. Если, скажем, у тебя вторая форма, то ты имел доступ к особо важным документам, которые втихомолку сочиняла наша наука. И никого не интересовало, хватит ли у тебя ума постичь эту техническую тайну. Молодой специалист, я числилась инженером. Чем я занималась? Металл доставала для лаборатории, которая «ковала чего-то железного». Но это железное было секретным.

Мы не могли ездить за границу, но зато «шестая часть земли с названием кратким Русь» была полностью в нашем распоряжении. В свободное от работы время шестидесятники с рюкзаком за плечами мотались пеше и конно, в байдарке и на лыжах. И пели... Именно в те времена возникла вольная песня. Ездили на Урал, на Арал, на Байкал, на Белое море. Мечтали о Красном и Средиземном. Я тогда себе говорила: «Сейчас посмотрю родину, а после пятидесяти буду ездить туда... где счастье».

Упомянутый возраст подступил быстрее, чем я рассчитывала. О быстротечное время! Однако мечта оставалась мечтой, то есть не реализовывалась. Оковы пали, и я могла ехать куда угодно, но на какие шиши? Впрочем, об этом я уже говорила.

А предвкушение, которое длилось тридцать лет, предвкушение счастья не перегорело. Оно жило в сердце, и, когда я шла по Амстердаму, ликуя, и удивляясь, и чувствуя себя первооткрывателем, я думала не менее как о Петре I. Какими глазами смотрел на все это юный царь, который триста лет назад тоже скинул оковы, сам поехал в мир и не только разрешил это всем прочим, но коленкой в зад выпихивал упирающихся подданных: учись, паршивец, разуй глаза перед Европой! Амстердам потряс Петра так же, как меня. Недаром в начале XVIII века была мода на все голландское: дома, мосты, мебель, посуду. Уже потом голландскую моду вытеснило все немецкое, а еще позднее – французское.

Однако вернусь к истокам нашей поездки. Долетели мы с Галкой замечательно. Алиса ждала нас в аэропорту, пританцовывая от нетерпения.

– Почему вы опоздали?

- Нам поменяли в Шереметьево самолет. Народу в Дюссельдорф было мало.
- Времени у нас в обрез! – торопилась Алиса.

Она, оказывается, уже нарезала наше время, нарубила его в компактные куски. Обнялись, охнули пару раз от радости встречи. Потом сумки в багажник. Мы прыгнули на сиденья, как амазонки на коней. Вперед!

Алиса везла нас к своему приятелю, тоже физику и тоже умнику, востребованному Голландией для научной работы. На подъезде к Амстердаму случились трудности. Физик живет в пригороде, на этой квартире Алиса у него не была. Способ добраться был сообщен по телефону. И началось верчение по кругу. Главное, ни у кого ничего не спросишь, кругом одни фламанцы! Нам надо было найти девятиэтажный жилой дом (хорош ориентир, как сосна в бору), потом канал, потом завернуть, проехать мимо аптеки... Черт, опять свернули не в тот проезд!

Но мы не злились, мы хохотали. Весь страх перед границей, всю торжественность, предстоящую входу в этот храм, я растеряла по дороге. Здесь мы взяли другой тон, темп, в нашем лексиконе появились словечки, которые мы в обыденной жизни употребляли крайне редко. Словом, мы очень сильно помолодели, и когда наконец нашли нашего петербуржца, то принялись наперебой с ним кокетничать. Даже я забыла о такой преграде, как возраст. Мои подружки моложе меня одна на восемь, другая на семь лет. Но отсчитывать разницу от такой вершины, как мой возраст, им не на пользу, поэтому умолчим.

Физика звали Артур. Большой, толстый, рыхлый, с огромной плешью на макушке и вечно спущенным под живот ремнем – он был очаровательным. Его не портили ни плохие зубы, ни очки с толстыми стеклами, он был добр и остроумен. А может, биополе? Я, признаться, в такие штуки не очень верю, но своей шкурой ощущаю – есть люди, с которыми в одной комнате находиться тяжело, через пять минут общения сидишь как выжатый лимон и ненавидишь весь этот чертов мир. О таких говорят, мол, энергию на себя тянет, как одеяло. Артур не тянул, он сам излучал, а поскольку источник этой энергии был огромен, то на всех хватало. Он дружил со всей русской Голландией, со всей Бельгией, а главная трудность его жизни состояла в том, что в Петербурге осталась красавица жена, которая ни под каким видом не хотела менять работу на радио дома на безделье в Амстердаме. И все еще влюбленный в жену Артур мотался между двух городов: неделю дома, потом опять три месяца в Голландии, потом опять в Петербург. С точки зрения советского обывателя – рай, а не жизнь. Но в чужой руке ломоть всегда толще. Поверьте, у наших соотечественников в Европах и Америках тоже много проблем, но об этом после.

Возраст Артура поставил вразрез его петербургскую галантность и наше легкомысленное поведение. Его подмывало обращаться ко мне по имени-отчеству, но он понимал, что делать этого нельзя. Называть меня Марией Петровной в нашей молодящейся компании – это подчеркивать мой возраст и отнимать право быть такой же беспечной, как мои подруги. Как всегда, Артур нашелся, сказав, что отчество за границей не принято, но стал называть меня не Машей, а Марьей, как бы подчеркивая его ко мне уважение. Марьей стали меня называть и подруги, ерничая.

Артур стал моим наставником в работе с диктофоном. Выяснилось, что Ангелина подарила мне не абы что, а вещь. У этой черной штучки имелась такая комбинация клавиш, что он сам включался на голос и сам выключался, если речь прекращалась. Мне такие тонкости были ни к чему, главное – не запутаться бы в кнопках. Вот так – записывать, так выключать, так – перематывать, знать больше я не хотела. Большие знания рождают большую печаль, а я хотела только радоваться.

Теперь будем озвучивать мир. Я еще не знала, подружусь ли я с диктофоном. Раньше бытовала такая процедура, как пытка слайдами. Придешь в гости, а тебя сразу – цап! Кусок до рта донести не дадут, разговоры прервут на самом интересном месте, и вот уже в комнате темнота, а на домашнем экране какие-то незнакомые тетки и дядьки среди экзотики. «Вот

это я... это Настя у водопада... ха-ха-ха, это Настя у собора, это я, это опять я с группой около башни...» Непереносимо! Слайды интересны только тому, кто принимает в их создании непосредственное участие.

Но и в фотографии я не годилась. Если ты видишь мир через объектив, то он необычайно сужается. Как будто шоры надели на глаза. Ты уже не видишь просто площадь или горы, а все время выискиваешь нужную точку для грамотной фотографии, предвкушая, как потом будешь мучить гостей: «Это я у ручья, это наша компания на пароме, это мы у памятника...» – «Кому памятник-то?» А шут его знает, мало ли кому... Жопагану Жопагановичу Жопаганову – был такой сельскохозяйственный герой, сама по радио слышала.

Уже на следующий день я поняла, что диктофон мне пришелся. Он был по руке, не тяжелый, не легкий, говорить в него можно было почти шепотом, он честно записывал мой голос, охи-вздохи, кашель и шумные затяжки во время курения. Потом я часто ловила себя на том, что бормочу в диктофон почти без остановки. Слушая запись, я краснела от стыда. Записанное было настолько бесцветно и неинтересно, что я предпринимала попытки все стереть и наговорить заново, но подруги останавливали:

– Оставь. Дома в Москве все будет интересно. Пиши дальше. Что у тебя, кассет мало?

3

У меня не было с собой путеводителя по Амстердаму, поэтому я могу предоставить читателю только домашние заготовки. Итак, столица Голландии стоит на ста островах, образованных реками Амстель, Эй, морем и множеством каналов. Город возник в XIII веке, и основали его не римляне, как все в Европе, а амстельские владетели. Сейчас в Европе, куда ни сунься, все путеводители безапелляционно заявляют, что данный город возник на остатках римского гарнизона. Хорошо хоть Москва и Петербург избежали этой участи.

Старый город построен на сваях. Лучшие районы называются, да позволит мне читатель упомянуть их, Эйнгель, Кайзерсграх и Принценграх. Еще в Амстердаме есть Мюйденские и Гальфвегенские шлюзы, а также крепости Наарден, Весп, Ниеверслуйс... Все эти непроговариваемые названия почерпнуты из Брокгауза и Эфрона. Я понимаю, что без них можно было обойтись, но мне кажется, что они имеют вкус и запах, в самом сочетании букв угадывается зрительный ряд, который поможет нашей русской душе почувствовать загадочность этого города.

Теперь я брожу неведомо где, может, по Эйнгелю, но не исключено, что по Кайзерсграху, и без остановки мурлычу в диктофон. Вот образцы моих записей: «Амстердам очень красив и странен. Он ни на что не похож, ни на один из великих городов мира. Понимаете, для его строительства, в отличие от Мадрида, Парижа и самого Рима, использовался другой набор конструктора “Лего”. Итальянцы исповедуют в архитектуре линию, французы – величественность, фламандцы – уют».

Мне было неловко слушать собственные наговорки. Удивляла уверенность, с которой я лепила слова. Я никогда не была ни во Франции, ни в Италии, но все было где-то прочитано, словлено, увидено на репродукциях.

Далее: «Дома в Амстердаме стоят впритык: узкие, высокие, похожие друг на друга, фантазия архитектора отыгрывается на крышах, каждый дом под своей шляпой, украшенной каменными прибабасами.

Дома состоят в основном из окон, голландцам присуща большеглазость в постройках, поэтому на стены из аккуратного мелкого кирпича остается совсем мало места. Всюду на уровне крыш торчат черные металлические балки. Зачем? Оказывается, для подъема мебели. У них здесь очень узкие лестницы, ни один шкаф не пройдет. Поэтому вещи втаскивают и вытаскивают через окна. Интересно, а гроб? Неужели они тоже спускают его на полиспастах с шестого этажа?

Узкие трамваи с поджарыми попками очень яркие от наклеенных на них реклам. И почему-то много флагов везде. Может, праздник какой?

Все дома, как наши подъезды, исписаны разноцветными... не знаю, как это называется, краска выдавливается из тюбика. Не буду подозревать аборигенов в написании на стенах неприличных слов, но все равно обидно за прекрасный, так доброкачественно построенный город. Ребята, у вас же капитализм, что же вы допускаете такое? И вот какая странность: в людных местах стоят специальные щиты, на которых народные умельцы с помощью тюбиков с краской тренируют кисть.

Разбитое окно в доме на первом этаже, причем разбитое давно и основательно, произвело на нас такое впечатление, словно мы увидели труп».

Случайное сравнение с трупом было не иначе как предчувствием, сродни вещему сну, но я об этом тогда еще не знала.

«На площади видели представление, почти средневековое. Двое мужиков... Первый на велосипеде с одним колесом, в руках факелы, второй – голый по пояс, облачен в плавки из меха и с хвостом, на голове кошачья шапка.

Первый покатался, пожонглировал, потом взял заклеенный бумагой круг и поджег его. Человек-тигр перепрыгнул сквозь горящий круг и под аплодисменты встал в позу. Как наивно и безыскусно! Этот номер без малейшей натуги мог бы выполнить и мой сын, и внук. Но чтоб взрослый человек прицепил себе хвост и прыгал на улице через обруч! А зрители ликовали. Они оценили эту смелость: наряжаться тигром и выйти полуголым к публике.

Вода в канале цвета грязной бутылки, всюду снуют длинные, как сигары, катера с низкой осадкой. Весь город засыпан семенами вязов, а может, других каких-то деревьев, все-таки еще май.

Туризм лютует! Везде прорва народу, половина прорвы – лица африканской национальности. Право, полно негров, а японцев мало, видно, для них еще не сезон. Негры торгуют на улицах вещами двадцать пятой необходимости, товар разложен прямо на тротуаре: игрушки, карты, сумки. Это заезжие, готовые на любую работу. Большинство африканцев выглядят весьма благополучно, наверное, у них есть и жилье, и гражданство, и уверенность в завтрашнем дне».

И так далее, и в том же духе. Как я из этого трепа выкрою путевые заметки? И вообще с чего я возомнила, что могу писать? Слов не хватало, как воздуха. Мне совсем не так хотелось рассказывать про Амстердам. Этот город когда-то был самым богатым в Европе. Просторные гавани его принимали корабли со всех материков. Перед глазами проносились невнятные образы. В будущих заметках должен дуть свежий ветер, как же без свежего ветра, и дуть он должен над корабельными доками, верфями, над парусными фабриками и складами с пряностями и табаком. Но где эти верфи, где склады? Да и погода совершенно безветренная.

Упомянуть надо также мастерские для огранки алмазов, все знают про амстердамских ювелиров. А известный всему миру квартал проституток! Мне рассказывали... улица как улица, в домах окошки, в окошках девы. Каждая занята своим, одна читает, другая вяжет, третья пасьянсы раскладывает. Появился клиент. На окошке сразу ставень – хлоп! и все дела.

- Кончили бесцельно шататься по городу! Нас ждет королевский музей, – сказала Алиса.
- Я бы еще пошаталась. Хоть пару слов я должна сказать об улице красных фонарей.
- Обойдутся твои читатели без этой улицы. Ты им лучше про «Ночной дозор» расскажи.
- Рембрандта?
- Кукрыниксов, – буркнула Алиса.

Я была потрясена. У меня как-то из головы вылетело, что «Ночной дозор» в Амстердаме.

Эпитет «королевский» стал понятен уже на подходе к музею. Огромный дворец, сработанный из мелкого кирпича и белого камня, башни его терялись в облаках, стены украшали статуи с лихо заломленными шляпами, золотые медальоны, выше разместились мраморные панно, представляющие именитых горожан в ответственные минуты их жизни. Над стройными окнами выгибались арки, из-за которых тоже приветливо улыбались мраморные люди. Алиса дернула меня за рукав: хватит рассматривать подробности, эдак мы никогда до Рембрандта не доберемся.

Я вспомнила, как возила двенадцатилетнего сына в Ленинград – посмотреть Леонардо да Винчи. Мы быстро шли по Эрмитажу, я цепко держала сына за руку. Мне хотелось, чтобы Алешка незамысленным взглядом увидел Мадонну Бенуа и уже потом стал знакомиться с малахитовыми вазами и павлином – чудом ювелирного искусства. Но мой ребенок залип на неграх, была там в проходе целая аллея черных голов на мраморных подставках. Потом рассказ об Эрмитаже он всегда начинал с этих негров, а Мадонна Бенуа заблудилась у него в подсознании.

Как это ни смешно, нечто подобное произошло здесь и со мной. Ожидаемого впечатления «Ночной дозор» не произвел. Впечатления от самого Амстердама были гораздо сильнее. Я стояла перед картиной и твердила себе, что-де вот перед тобой самая загадочная картина Рембрандта, и в композиции, и в светотени есть некая тайна, над которой ломают головы искусствоведы. «Разгадывай, бестолочь», – шептала я себе, а вместо этого видела, что у капи-

тана в белом камзоле, главенствующей фигуры на полотне, неправдоподобно короткие руки, и вообще он карлик, а девушка с петухом казалась мне порочной, как зачатие, и вообще, что ей здесь делать, среди мужиков?

Не открылся мне Рембрандт, не пожелал, а вот Вермеер Дельфтский – это, я вам скажу!.. После «Ночного дозора» мы с подругами договорились разбежаться, каждая из нас любит общаться с живописью в одиночестве. Договорились встретиться в кафе у входа через час. Но у вермееровской «Молочницы» я забыла про время. Сколько же лет эта прекрасная крестьянка в желтой кофте льет молоко в грубый кувшин? В моей молодости у костров пели: «Вставайте, граф, рассвет уже полощется, из-за озерной выглянув воды, и, кстати, та вчерашняя молочница уже проснулась, полная беды...» Эта молочница была безмятежна, но странным образом напоминала меня молодую. А я тогда вся состояла из беды, очередная неудачная любовь, казалось, нанесла мне непоправимый урон. Но все потом как-то поправилось.

Стоп... нельзя все время торчать в этих залах. Надо пробежаться по всему музею рысью, а потом опять вернуться к Вермееру – патрицию кисти. Побежала и заблудилась, конечно. Три этажа, под завязку забитые скульптурой и живописью. План мне плохо помогал, потому что я никак не могла найти нужную лестницу. Наконец я вырулила в залы со старым фламандским бытом: гобелены, вазы, серебро и очень много кроватей с балдахинами. Кровати были истинным произведением прикладного искусства: резные столбики, инкрустация, парча. Умилительны были детские кровати и колыбели, на них потратили отнюдь не меньше умения и добротных материалов, чем на роскошные ложа для взрослых.

Я остановилась около маленькой кроватки, вспомнила внуков, растрогалась и между делом заметила, что на моих башмаках от волнения сами собой развязались шнурки. Кажется, чего проще, завяжи, и дело с концом. Но... забыла сказать, я не то чтобы толстуха в прямом смысле, но женщина в теле. А здесь некуда было поставить ногу, и еще чертовски мешала сумка на лямке, как только я нагибалась, она свисала до полу.

Я, пытаясь, боролась со шнурками, когда в зал вошла Галка. Мы радостно захлопали, как будто вечность не виделись. Несколько залов мы прошли с ней бок о бок хорошим спортивным шагом, а потом опять разошлись в разные стороны.

Вермеер, «Девушка, читающая письмо». Спокойная, некрасивая, прекрасная, пучочек такой на затылке... Блекло-голубое платье прекрасно гармонировало с желтой ландкартой на стене. Что главное в полотнах Вермеера? Свет, конечно. И еще достоинство, причем не сиюминутное, а достоинство по отношению ко всей жизни, никакой суеты, соплей и воплей, как данность принимается и горе и радость. Не бог весть какое открытие, но и оно на дороге не валяется. Чувства меня распирали. Надо было срочно выплеснуть их в диктофон. Я ударила себя по боку в поисках сумки. Но сумки не было.

Шок от потери пересилил восторг общения с Вермеером из Дельфта. Вначале, еще не веря, я ощупала себя, словно сумка могла спрятаться под юбку. Потом сердце ухнуло куда-то в бездну, а душа воспарила, я забыла, где нахожусь. В сумке было все: паспорт, деньги, билеты домой, страховой полис и таможенная декларация. В одну минуту я стала никем, изгоем, Вечным Жидом, гражданином вселенной. А всю жизнь меня учили, что лучше смерть. Ужас захватил меня целиком. До нашей встречи оставалось пятнадцать минут. Именно столько мне понадобилось, чтобы покрыть расстояние в сто метров. Я шла как слепая, тычась в двери, путаясь в лифтах, отирая слезы и тихонько воя.

Девушки мои уже были на месте. Вид у меня был тот еще. Обе кинулись ко мне с криком:

– Тебе плохо? Сердце?

– Сумку украли.

– Окстись, мать, тут не воруют, – сразу успокоилась Алиса. – Ты ее забыла. Вспоминай – где?

– Я не помню.

– Когда мы с тобой встретились, ты была уже без сумки, – сообщила Галка.

– Что же ты меня не предупредила? – всхлипнула я.

– Маш, там было ожерелье из черного агата... с брильянтами... сказочной красоты. До твоей ли сумки мне было?

– Я знаю, где я ее забыла. Там, где завязывала шнурки.

– А где это?

– Там совершенно безлюдные залы. Это их быт. Не представляю, как мы его найдем.

Алиса уставилась в план музея.

– Какой это век?

– Какой угодно. Там очень много кроватей. Есть и детские.

– Ты про музей как про ГУМ...

Мы нашли мою сумку. Она стояла прислоненная к детской кроватке. Очевидно, я сама ненароком подтолкнула ее под бархатную бахрому, наружу выглядывал только уголок. Трясушимися руками я проверила содержимое сумки, все было на месте.

– Теперь я не расстанусь с ней никогда, – шептала я, прижимая к животу свое сокровище.

– Возьмем за правило, – строго сказала Алиса. – С собой берем только страховой полис и минимум денег. Тем более что у нас общая касса. Все остальное должно лежать дома в чемоданах. Марья, ты меня слышишь?

Из музея Алиса деликатно повела меня за руку. На выходе около цветущих куртин стояла немолодая женщина в длинном плаще и играла на виолончели. Вид у нее был безмятежный и полный достоинства, никаких соплей и воплей, картонная коробка рядом с ней была пуста, а она улыбалась. Мимо шли люди, а ей было совершенно безразлично, бросают ли они ей деньги или нет. Вид этой женщины странным образом меня успокоил. Я примерила на себя ее улыбку, и она подошла, как влитая.

4

С той же улыбкой отрешенности я вступила под своды Артуровой квартиры. Нас ждал стол. Он был накрыт в лучших петербургских традициях, однако не исключено, что Артур успел приобщиться к голландской культуре. Изобилием стол напоминал фламандские натюрморты, исключен был только присущий им художественный беспорядок. Во всем этом был уже знакомый мне почерк. Когда мой сын в детстве простужался и лежал в постели, он обожал копировать фламандские натюрморты. Но, перерисовывая роскошную утварь с репродукций, скажем, Хеды, он наводил на столе порядок: залечивал раны у надбитой рюмки, ставил прямо завалившийся серебряный кубок, висящую стружкой кожуру с наполовину очищенного апельсина возвращал на исконное место и выметал со скатерти ореховую скорлупу.

Хороший стол пригоден не только для еды, но и для разговора, который немедленно завязался. Начали с малого. Я погоревала, что не видела в музее ни Мемлинга, ни Брейгеля, потом стала надоедать Артуру, чтобы он рассказал какую-нибудь пригодную для печати историю про Амстердам. Артур рад был удовлетворить мое любопытство, но истории так просто в голову не приходят. Как вежливый человек, он не мог от меня просто отмахнуться и потому, наморщив лоб, мучительно что-то вспоминал.

Галка не хотела отдавать мне инициативу за столом, уж если разговаривать, то на общие, всем интересные темы. Она села в кресло, закинула ногу на ногу, в одной руке сигарета, в другой бокал с красным вином. Все говорят – ноги, ах, какие у нее ноги! Шея – вот что главное. Ноги дело десятое. Когда шея стройная и длинная, и головка сидит на ней так породисто, и затылок круглый, а не плоский, как у некоторых, тогда, конечно, ты до глубокой старости будешь выглядеть как фотомоделка. А у фотомоделок свой разговор. Уже и магнитофон включили, и музыка замурлыкала.

Алису я больше всего люблю за серьезность и поступок. Галка все готова осмеять, не по злобе, а ради красного словца. Алиса зрит в корень и сразу понимает, можно здесь балагурить или нет. Про свое намерение стать писателем я ей сообщила по дороге в Амстердам. Мне неловко было говорить об этом как о деле решенном, и я как-то вскользь, между делом... Но Алиса сразу поняла и взяла правильный тон:

– А что... попробуй. Вдруг получится! Это ведь большое счастье – приобщить себя к перу и бумаге.

А Галка фыркнула бездумно и весело:

– Не меньшее счастье приобщить себя к сцене и пуантам!

Признайте, что такое немолодой даме крупных форм не говорят. Сейчас за столом все это вдруг вспомнилось, обидно стало. Когда мне обидно, лицо мое принимает замкнутое и надменное выражение. Мой муж покойный говорил: от такого взгляда мухи дохнут. Галка посмотрел в мою сторону, видно, мой вид ее не столько смутил, сколько раззадорил, пригубила вино и сказала весело:

– Марья у нас хочет стать беллетристом. И даже нашелся юный недоумок, который заказал ей книгу.

– У юного недоумка издательство, – сказала я сухо, с издевкой. Но, если быть точной, издевки в ее словах не было. Просто она хотела все обратить в шутку. Видно, ее раздражал мой серьезный тон.

– Юный недоумок заказал ей детектив. Сейчас выходит такое количество плохих детективов, что из них можно построить новую Китайскую стену. Еще один кирпич для Китайской стены...

– Но я не хочу писать детектив, – воскликнула я с отчаянием. – Там должны быть выстрелы, погони и... трупы. Я не знаю, как описывать трупы. Я видела мертвых только в гробу.

Это не трупы, а покойники. Хоронили близких мне людей, и чувства, которые я испытывала тогда, никак не укладываются в рамки детектива. Это другие истории, понимаете?

– Понимаю, – согласился Артур. – Но по части детективов я плохой советчик.

– А по-моему, не обязательно труп описывать. Главное – что ты чувствуешь, когда его видишь. Марья работает по системе Станиславского. Она может придумать труп и сама себе скажет – не верю! А как описать этот испуг, эту полифонию чувств, эту жалость к человечеству, которая тебя охватывает при виде убитого. «Кто бы мог представить, что в старике так много крови...» – произнесла она с трагической издевкой.

Алиса поспешила мне на выручку.

– Маша хочет написать путевые заметки, – сказала она мягко, – и украсить их всякими смешными историями.

– Именно так, – оживилась я.

– А зачем тебе это надо? Истории эти? – не унималась Галка.

– Ну... когда у меня будет дыхание прерываться... – попробовала я пошутить.

– Дыхание у нее будет прерываться... – усмехнулась Галка, в усмешке этой уже звучала откровенная недоброжелательность. Чем-то я ее задела, обидела... или как-то так.

– А можно смешную вставку из нашей жизни? – спросил Артур примирительно. – Слушайте байку, – и рассказал милую историю, которую я тут же пожелала записать на диктофон, естественно, уже со своего голоса.

«Родители отдали ребенка в пионерлагерь. Ребенок домашний. Попереживали, поплакали – всё! Ребенок исчез в недрах системы. Родители считают дни и надеются, что у него все хорошо. Через некоторое время получают от сына письмо – аккуратное, на хорошей глянцевой бумаге...»

– Почему ты начинаешь с обмана? – перебила меня Галка. – Откуда в пионерлагере хорошая глянцевая бумага?

– Описочка вышла, – призналась я. – Продолжаю... Получили от сына письмо на вырванном из тетради листке, текст был написан грамотно и без единой помарки. Начиналось оно так: «Мама и папа! Я живу хорошо, кормят нас вкусно...» Далее перечислялись блага пионерлагеря. Родители опешили. Нет, это не наш ребенок. Это не его стиль. Не может быть, чтобы система настолько изуродовала его за месяц пионерской жизни. Стали вертеть письмо в руках, искать какого-то знака. И нашли. Сбоку мелкими буквами с двумя ошибками написано: «Сдесь тюрьма». Они вздохнули с облегчением и помчались в лагерь забирать сына.

Я перевела дух.

– Твоя писательская кухня вызывает сомнения, – как всегда, с Галкой нельзя было понять, шутит она или говорит серьезно.

– Уже? – Я еще держалась. – Почему?

– Ты должна писать голый сюжет, заготовку. А ты походя комментируешь жизнь. А этого не надо. Не сочиняй сразу. Сочинять ты будешь потом. Пойми, это сложный процесс – писать книги. Главное для писателя – точность. Понимаешь – точность!

Таким тоном разговаривает учительница с нерадивым учеником. Галку можно понять. Она двадцать лет преподавала в школе.

– А по-моему, нормально записано, – в Артуре пропадали дипломат высокого пошиба. – Давайте я вам еще одну историю расскажу.

Чтобы не слышать Галкиных нареканий, я поднесла к нему диктофон, но Артур отвел его рукой.

– Вы потом сами наговорите, ваш диктофон меня гипнотизирует.

История и правда была хорошей. Отсмеялись, и я стала ее наговаривать.

Жена Артура вместе с сыном жила дикарем в семье где-то в Крыму. В доме жил попугай – общий любимец. Сын все время играл с ним и был счастлив. В какой-то момент мальчик

забыл закрыть форточку, и попугай улетел, надоел ему этот отрок. Семья в горе. Артурова жена в ужасе. И вот в Петербург мужу, который работал в очень секретном заведении, летит телеграмма: «Попугай улетел. Немедленно найди замену». Естественно, первый отдел решил, что это шифровка, и тут же начал расследование. Потом, конечно, разобрались, что к чему, но в Венгрию на конференцию Артура все-таки не пустили.

Во время моего общения с диктофоном Галка всем своим видом показывала, насколько мой текст гаже того, который рассказывал Артур.

– Есть документальное кино и есть плохое художественное, – сказала она, как только я выключила диктофон.

– Поясни.

– А что тут объяснять? Все было так емко и предельно ясно рассказано! И не нужно ничего лишнего. Зачем эти кружавчики: отрок, секретное заведение, семья в горе и так далее?

– Господа, – произнесла я официально, – сейчас мне будет преподан урок краткости. Не поленимся, перескажем еще раз как надо, – я поднесла к Галкиному лицу диктофон.

– Не буду я тебе ничего говорить. И вообще эта история меня никак не греет. Я не хочу ее пересказывать. Отвяжись.

– Но если ты вмешиваешься, значит, история про попугая тебя в каком-то виде трогает.

– Да пропади пропадом твой попугай... – в голове прозвучало «и ты вместе с ним». – Краткость – сестра таланта. Ты что хотела записать – факт или рассказ?

– Факт – это тоже рассказ. И вообще мне все это надоело. Я не знаю даже, понадобится ли мне эта заготовка. А записывала так, как мне легче.

– Вот вы всегда так – писатели... – Она засмеялась. – Вам бы только как легче, а до читателей вам и дела нет.

Галка закусила удила. Неужели она не видит, как призрачна и зыбка та тропка, на которую я собираюсь вступить? Я же не писатель, я даже не учусь, я только мечтаю. А она уже громит меня от имени всех учителей русской словесности: писатель – это пророк, а не фантазер с пенсионной книжкой.

И тут случилось странное – я расплакалась. Весь прожитый праздник с кошмаром в конце – пропажей сумки – ухнул куда-то в пробитую в мироздании Галкой брешь. Я плакала о своей несостоявшейся жизни, о глупых надеждах. Вода дырочку найдет.

Вначале слезы были тяжелыми, с надрывом, а потом уже и сладкими, каждый всхлип приносил облегчение. Справедливости ради надо сказать, что в предвкушении того мига, когда мое эссе появится на прилавке, я поглядывала на Галку несколько свысока. Ну красавица, ну жена бизнесмена – и все. Не так уж он богат, ее муж, жмотничает, между прочим. На поездку у меня тысяча баксов, и у нее столько же. А как ей дальше жить? Учителем она бросила – тупик! А я хоть и аморфное тело, пластилин, но из меня уже что-то лепит великий Ваятель. Вот за этого ваятеля и получила. А может быть, никакого самодовольства во мне не было? Может, я все это придумала из жалости к Галке, которой было очень неловко? Она сидела напряженная, как струна: ноги рядком, глаза в подол, пальцы с сигаретой нервно позвякивали кольцами.

– Ну, будет тебе, Маш, – сказала Алиса и, повернувшись к Артуру, поведала ему историю про потерянную и обретенную сумку. – Ну о чем ты реवेशь-то?

– Ну хотите, я что-нибудь расскажу про Амстердам?

– Сейчас ей лучше коньячку, – вмешалась наконец Галка. – Мань, ну хоть пригуби. Ну что ты как ребенок?

– Помнится, вы сетовали, что не видели Мемлинга? – продолжал Артур в надежде отвлечь меня от радости страдания. – Мемлинга надо смотреть в Брюгге. Это в Бельгии, как раз по дороге в Париж. Совсем маленький крюк в сторону. В Брюгге у меня живет приятель. Он тоже из Петербурга.

– В Брюгге мы не поедем, – отмахнулась Алиса.

– А кто он – ваш приятель? – я слегка выпростала голову из облепившего меня горя.

– Он искусствовед, в Питере преподает в академии. В Брюгге живет уже полгода, на деньги Сороса пишет диссертацию. Квартирует он у одного бельгийского скульптора. Наверняка они приютят на ночь трех дам. Я могу позвонить Константину, а вам сейчас напишу его адрес.

– Мы едем в Париж, – в голосе Алисы появился металл. – Поездка в Брюгге отнимает у Парижа два дня.

– Брюгге тоже стоит обедни, или как там у них... мессы, – хлюпнула я носом.

– С чего вы выдумали какой-то Брюгге? – вмешалась Галка. – Конечно, мы едем прямоком в Париж. И без всяких отклонений.

Я во всем с ней согласилась, но адрес искусствоведа Константина все-таки взяла, так... на всякий случай.

Подруги уже спали, а я пялилась в темноту и думала про белый пароход. Это мой собственный образ, к Айтматову он не имеет никакого отношения. Лет пятнадцать назад я была в ленинградской гавани. Помнится, мы приехали туда на выставку художественного стекла, но заблудились и вышли к морю. Там на погрузке стоял океанский лайнер. Он был белый не только снаружи, но и изнутри, широкая корма его была распахнута, и в этом чреве исчезали тоже белыедвигающиеся по конвейеру чемоданы. Я тут же представила салон первого класса: обнаженные спины женщин, фраки мужчин, дорогое вино в бокалах на тонких ножках...

В те годы я себя считала очень счастливым человеком. У меня был полный комплект: семья, друзья, походы, самиздат в достатке. Белого парохода, правда, не было, но я в нем и не нуждалась! Организованный отдых – не для моей компании. Мы дикари и поборники свободы. Само слово «люкс» в применении к гостинице или транспорту попахивало для нас пошлостью. Да захоти я только!.. И тут же поменяю рюкзак на белый чемодан. А тогда, в ленинградской гавани, я поняла, что просто пряталась от мечты ввиду ее полной неосуществимости. Не будет у меня белого парохода. Как не будет ничего судьбой не запланированного. А моя судьба нравом пуританка. Ладно, спать.

Артур говорит, что в амстердамской гавани стоит старинная каравелла, сродни той, на которой плавал Колумб. На каравелле музей парусников всех времен и народов. Жалко, что мы туда не попали. Грех мечтать в пятьдесят пять о старинных каравеллах. И не пиши о себе рассказ. Сообщай только факты. Спокойной ночи, Амстердам.

5

Про дорогу в Париж рассказывает Галина Евгеньевна Ворсакова

Марья попросила меня написать эту главу, поскольку она касается дорожных происшествий. Я вначале не хотела связываться, она мне потом плешь проест, мол, сама говорила про документальную прозу, а теперь растекаешься мыслью по древу. Отнюдь нет. Я буду излагать только факты. Постараюсь рассказать обо всем внятно.

Во время наших передвижений я сидела на переднем сидении рядом с Алисой и выполняла обязанности лощмана. Девчонкой я сдала на права и водила машину довольно лихо, но Алиса ни за что не хочет доверить мне руль. А у самой, между прочим, зрение минус четыре. Это не мешает ей развивать бешеную скорость, вот только за указателями она не успевает следить. Я успеваю.

По указанию Марьи даю информацию о себе самой. Я думаю, она потом добавит перчика в мои биографические данные. Не удержится. Фамилия Ворсакова досталась мне от первого мужа, в девичестве я Дюмон. Марья ехидничает, что в «тенеты» (Манькино слово) моего родового дерева, как в сеть, попал француз. Прабабка что-то говорила по этому поводу, но я не помню, а теперь и спросить не у кого. Я педагог, русский язык и литература. Детей у меня двое: сын от первого брака и дочь от третьего. Мужей своих я любила, и только последний брак – четвертый – по расчету. Мне Ленку надо на ноги поставить, а на учительскую зарплату сама не устоишь. Сейчас я просто мужнина жена. Не хочется за копейки жилы рвать. Рост у меня 172, объем бедер – 90, талии – 60 с копейками, бюста – 90. Эталон, да, и заметьте, это в моем возрасте, не буду называть, в каком именно.

Марья, конечно, читая эти цифры, будет морщиться, мол, не относится к делу. Очень даже относится! Эти цифры – тоже факт моей биографии. Поэтому на мне и одежда нормально сидит. Сама Марья обожает цвет, который называется «немаркий», и кофты-самовяз типа «старческий наив». Правда, перед поездкой за границу она приделалась, неотъемлемой частью туалета у нее теперь является черная юбка. Я не хочу сказать, что это ей не идет. Но говорят, что парижане по этим турецким длинным черным юбкам узнают русских. Форма у нас такая. А Алису в иностранной толпе не отличишь: брючки, курточка, маечка, неброский макияж, все хорошего качества, и полное отсутствие индивидуальности. Они здесь, на Западе, все какие-то штампованные. Дома у меня спросят: как сейчас одеваются в Европе? Никак, скажу. Для них одежда – способ потеряться в толпе. Конечно, есть там высокая мода, некоторые особи имеют сумки за две тысячи баксов и пояса за пятьсот. Но я таких пока не встречала.

Ладно, поехали. Я сижу с картой на коленях и неотрывно смотрю вперед. Дороги в Европе – это песня: многополосные, с безупречным покрытием, со звукоизоляционными стенами в населенных пунктах. Как внеземная цивилизация! Дорог – прорва, они расположены на разных уровнях, без конца сами себя пересекают, одна бежит по насыпи, другая ныряет под мост и тут же опять разветвляется. Наше направление – Антверпен. Ни в коем случае не Брюссель. Ощущение такое, что если свернешь не туда, то можешь вмиг очутиться в Варшаве или в Вене. А нам туда не надо.

Нам надо в Париж. Мы будем жить не в самом Париже, а в его пригороде – Пализо. Там живут Алисины приятели, которые сейчас в отъезде. У них дом – собственный или арендованный, я не поняла, не суть важно. Об этих приятелях Алиса потом сама расскажет.

Марья сидит на заднем сидении и бормочет в диктофон: «Голландский пейзаж скромнен (подумаешь, открытие!), все вокруг плоское, как стол. У дорог и каналов ивы, иногда юные, легкие, как перышки, а чаще обритые комли, похожие на бредущих вдаль карликов. Ветряная

мельница. Наконец-то! Быть в Голландии и не увидеть ветряную мельницу! На полях маки, сурепка, какие-то розовые цветы в избытке, а также что-то оранжевое, похожее по цвету на календулу».

– Смотрите, мост! – закричала вдруг Марья дурным голосом.

Алиса непроизвольно нажала на тормоза. Дальше пошла ругань.

– Что ты орешь?

– Артур говорил, за мостом нужно повернуть направо, а то уедем в Брюссель.

– Говорил. 90 градусов – это не точка кипения воды, а прямой угол. Он про какой мост говорил-то? Мы этих мостов уже штук десять пересекли, – негодовала Алиса. – Нельзя же орать вот так под руку! Я же за рулем!

– Общаешься со своим диктофоном, продолжай в том же духе. А дорогу оставь нам!

Марья опять начала бубнить на одной ноте: бу-бу-бу... «На багажниках везут велосипеды. Последние, кстати, обшарпанные, облезлые. Артур говорит, что в Амстердаме их воруют, потому что велосипеды – самый демократичный вид транспорта. Голландцы нормальные люди, тянут что плохо лежит. Сумку мою потому не стащили, что не увидели из-под бахромы на обивке. Вон какие-то придурки нас опять обогнали. Матрас везут. Сверху на багажнике в виде рамы. Матрас ядовито-зеленый, и номер у машины плохой – 515. Моя героиня пусть любит цифры, кратные трем, а также семь, и не любит цифры пять и один. Машина с матрасом временем битая, и потому нельзя понять, почему они нас все время обгоняют. Я не замечаю, когда они отстают, глаз фиксирует только обгон. Ели бы я не запомнила номера машины, то решила бы, что вся Голландия сегодня перевозит зеленые матрасы».

– Алис, а когда Бельгия? – спросила Марья, выключив диктофон. – Как мы узнаем-то? Пограничных столбов у них нет.

– Как коров станет меньше, так и Бельгия. Больше она ничем от Голландии не отличается.

– А дома такой же архитектуры?

– Такой же... Крепенькие и ладненькие.

– Интересно, что бы сказали голландцы, глядя на подмосковные деревни. Если, конечно, исключить строения новых русских.

– Это почему – исключить? – возмутилась я. – Мой нацелился строить загородный дом, считает каждую копейку, а нас, оказывается, надо исключить.

– Про голландцев не знаю, – отозвалась Алиса, – а с немцами я дома ездила. Они рассматривали наши старые деревни с большим прилежанием. Экзотика! А потом ткнули пальцем в развалюху и спросили потрясенно: «Здесь живут?»

– Просто наш материал – дерево, – не удержалась я. – А оно недолговечно. А их материал – камень. Конечно, у них дома стоят дольше и выглядят лучше.

– Зато немцы бездуховные! – вставила Марья.

Это она меня поддразнивает. Я сказала как-то, что Россия – мать духовности, а Запад только и умеет, что деньги считать. Марья тогда сильно обиделась за Запад. Что ж обижаться, если это правда?

Бельгию мы узнали по фонарям. Бельгийцы поставили вдоль дорог светильники на длинных ногах. Дороги сразу приобрели другой вид. Вид поменялся, суть – нет. Мы давали те же сто пятьдесят и не боялись заблудиться. На европейском автобане к водителю относятся предельно уважительно. Каждый участок дороги пронумерован, о нужном ответвлении дороги тебя предупреждают за двадцать километров, потом за десять и, наконец, за сто метров. Французы на дорогах часто указывают не расстояние, а время. Скажем, через три минуты будет нужный вам поворот, потом через две минуты...

Помню бешенство, которое обуяло нас с Женькой (мой второй муж), когда на пустынной дороге в Суздаль вместо давно ожидаемого указателя поворота мы увидели плакат «Шахматы – в каждый дом». Марья бы уже сочинила рассказ с социальным подтекстом. Ничего здесь нет

социального, просто глупость. И главное, написано про шахматы маленькими буквами. Дождь шел. Женька вылез из машины. Я, помню, удивилась, что это он матерится, так на него не похоже.

А другой случай смешной, это уже про то, как у нас мозги вывернулись наизнанку. Сейчас люди уж не помнят, что везде – на домах, заборах, рекламных щитах было написано «Слава КПСС» или что-нибудь в этом роде. Лозунги эти не были подвержены ни размоканию, ни выветриванию. Глаз уже сам читал, что предписано. Как-то едем к свекрови на садовый участок. Он читает – на заборе яркими буквами написано: «Слава застрельщикам труда!» Женька говорит: «Господи, и сюда уже добрались». Тогда было очень модное слово – застрельщик. Подъехали ближе. А на заборе, оказывается, написано: «Свалка мусора запрещена». Смеялись...

Едем мимо Антверпена. За высокой стеной видны шпили соборов и башни замков. Алиса поймала в зеркале тоскующий Марьян взгляд.

– Мань, ты на меня не дави. Сюда мы не свернем. Нам некогда. Сегодня вечером мы будем в Париже.

Марья что-то проквохтала, типа того, что я, мол, все понимаю, но очень в Антверпен хочется. Перебьешься, душа моя!

– Заправиться надо, – сказала Алиса, когда Антверпен скрылся за горизонтом. – Что у них хорошо, так это заправки.

– И туалет... Говори уж своими словами. Баки надо налить, а вам отлить.

Конечно, Марья не упустила возможности сообщить миру, что у меня солдатский юмор. Пусть ее поговорит. После вчерашнего инцидента я тихая. С Машкой осторожно надо, это я давно поняла. На вид такая мягкая, женственная, голубые глаза безмятежно смотрят на мир – сама доброта с крыльями. Но завестись может из-за пустяка. И ведь никогда не угадаешь – из-за чего. При серьезных неприятностях она сохраняет завидное самообладание, а из-за ерунды, которая яйца выеденного не стоит, скажем, Достоевского обругал кто-то (и за дело, между прочим), или скажешь ей, что помада эта ей не идет, – надуется, как мышь на крупу, и пошла вздыхать.

И еще у нее есть одна черта не из приятных. Стоит рядом с ней появиться интересному мужику, она тут же делает стойку. При этом ладно бы кокетничай она с ним. Нет, она начинает вести с ним умные разговоры. Она, вишь, с ним подружиться хочет, и чтоб все внимание принадлежало обязательно ей одной. Способов для этого находится масса, она будет вести беседы по астрономии и кибернетике, путешествовать по миру загробному и реальному, задавать какие-то дурацкие вопросы, чтобы самой на них и отвечать. Теперь у нее новый конек, она занялась литературой. Поверьте мне, литература ей нужна для того, чтобы пыль в глаза пустить. Теперь она каждого стоящего мужика будет просить, чтобы он ей помогал на ее литературном поприще. Какое поприще-то? Дырка от бублика!

А что касается туалета, то это не юмор, а жизнь. Или, если хотите, – факт. Мои подруги, вне сомнений, самые лучшие в мире, но мочеточник у них слаб. В Амстердаме только и делали, что искали туалеты. А у капиталистов гальюн платный. Я им говорю: «Девы, вы на одних унитазах разоритесь». А они: «Будем писать в долг».

Через пять минут мы подкатили к маленькой заправочной станции. Роз было как на ВДНХ в сезон. Несколько в стороне сияло красками одноэтажное строение, вмещающее все блага для услады путешественников.

– Девочки, кофе?

– Лучше бы в Антверпен на полчаса заехали, – проворчала Марья, вылезая из машины. – Смотрите-ка, эти АВС 515 с матрасом уже здесь. Опять обогнали!

В бельгийском кафе хорошо. Там тяжеловесные дубовые столы, удобные скамейки и быстрая обслуга. Вначале мы расположились на воздухе, но потом решили, что он для нас

слишком свеж. Внутри кафе было еще уютнее. Если не считать девицу за стойкой и двух мужиков за столом в углу, то в помещении мы были одни. Мужики что-то лениво жевали и пили из банок, то ли пиво, то ли колу.

Кофе принесли моментально. Мы дружно закурили. Блаженство! Я уже не помню, с чего разгорелся спор, но вырулили мы на стоимостные стоянки в Амстердаме. Я говорила – десять монет в час, Алиса настаивала на пяти.

– Можешь проверить. Наверняка у Марьи все записано.

Диктофон у Марьи попросила исключительно из-за того, чтобы подлизаться и подчеркнуть, что эта черная машинка – незаменимая в хозяйстве вещь. Некоторые фотографируют мир, а она его озвучивает. И пусть Марья думает, что ее озвучивание нам необходимо. Мы потом дома сядем все вместе, заварим себе крепкий кофе, бутылочку купим и будем слушать, как она талантливо и неповторимо рассказала про нашу заграничную жизнь.

– Вот на эту кнопку нажимай, – сказала Машка.

– Да знаю я. Чай, не синхрофазотрон!

Записано было действительно все, час за часом, но попробуй найди то, что тебе нужно. Я гоняла пленку туда-сюда и все время попадала на костел, куда Марья пошла, а мы не пошли, дальше подробно сообщалось, какая она мудрая и какие мы беспечные – вся жизнь мимо. Марья иногда бывает жуткой ханжой.

– Отмотай побольше-то, – взмолилась Алиса. – В костел Марья ходила после музея. А про стоянку написано и вовсе в самом начале.

Отмотала, ткнула пальцем в клавишу и, конечно, попала на «Ночной дозор», чем-то там Машке Соколовой Рембрандт не угодил. Я хотела было опять включить перемотку, но тут зазвучала французская речь. Мы прямо опешили. Один мужик говорил фразу, другой старательно повторял.

– Что это такое-то? – Машка смотрела на нас, выпучив глаза.

– Погоди. Цифры какие-то...

– Какие еще цифры? Как они могли попасть в мой диктофон? Все это надо стереть.

– Потом сотрешь, – сказала я. – Записала в музее ненароком чей-то разговор.

– Люди свидание в Париже назначают и телефонами обмениваются, – согласилась Алиса. – А у нас спор принципиальный. Галка мне проспорила бутылку шампанского. В Париже это не хухры-мухры, это денег стоит.

– Еще неизвестно, кто проспорил!

Тут я почувствовала на себе чужой взгляд. Один из мужиков, что сидели в углу, перестал тянуть пиво, развернулся на сто восемьдесят градусов и откровенно меня рассматривал. Так и ел глазами. То есть бесцеремонно! Мальчишка, конечно, но за тридцать перевалил, может, даже за тридцать пять перевалил. Плечи чугунные, подбородок квадратный. Блондин. Ничего так... если признаться. Рубашечка фирменная, и вообще в нем чувствовался мужик. Второй – худой, если не сказать изможденный, в черной жилетке со множеством карманов, сидел, опустив глаза долу, и поигрывал пальцами. Можно, разумеется, встать в позу, мол, не люблю, когда на меня так пялятся, но я сделала вид, что не обращаю на них внимания. Насмотрелась я таких взглядов. Дома бы официант уже тащил бутылку: «От нашего стола – вашему столу». Но у них тут в Бельгии свои законы. Поиграет желваками и успокоится. А взглядами он мне пиджак не прожжет.

Тут как раз отыскалась цена автостоянки. Оказалось четыре с половиной монеты за час.

– А как же ваше пари? Выходит – никто не выиграл?

– Купим шампанское из общих денег. Выиграла дружба.

– А что это он на тебя уставился-то? – спросила вдруг Марья.

Я хотела спросить: что – завидуешь? Еще хотела сказать: сядешь на диету, оденешься прилично, и тебя будут так же взглядом буравить. Не сказала, разумеется, только улыбнулась ласково.

– Сейчас знакомиться начнут, – засмеялась Алиса. – Только на каком языке ты с ним будешь изъясняться?

– На языке любви...

Мы говорили в полный голос, делая вид, что не замечаем наших соседей. Это Амстердам сделал нас раскованными, если не сказать – наглыми. Когда вокруг соотечественники, попросту говоря, когда ты дома, то в общественных местах разговариваешь вполголоса, а то и вовсе шепотом, чтобы твоя глупость не стала общим достоянием. Но если на тысячу верст в округе твоего языка никто не знает, то говорить можно в полный голос – все равно не поймут.

Правда, в Амстердаме у причала, где пили очередной кофе, мы услышали вдруг родную речь. И сразу скукожились, даже голову в плечи втянули. Это были парни с теплохода, совершавшего круиз. Для них Амстердам тоже не имел ушей. Ох и цветисто они выражались! Хоть по морде бей!

Напоследок мы опять решили посетить туалет. Надо же привести себя в порядок!

– Для кого? – поинтересовалась со смехом Марья. – И перестань строить глазки. Ты же бабушка!

– Это я в Москве бабушка. И не кричи на весь дом. Если бы ты мне дома такое крикнула, я бы тебя убила.

У двери я оглянулась ненароком. Смотрит, не мигая, как ящерица, вернее, как змей-искуситель, на ящерицу он меньше всего похож. Нет, что ни говори, а за границей чувствуешь себя женщиной.

Мне путеводные записки дальше не сочинять, а Марья, полоскаясь в высоких сферах, вряд ли напишет, какие у них туалеты. Класс... полотенца, правда, бумажные, но умиления достойны: мягонькие, ворсистые... мыло для разового пользования.

– Мама моя, диктофон забыла! – вдруг раздался из кабины Марьин голос, можно подумать, что она и сидя на унитазах бормочет текст.

– Успокойся ты. Диктофон у меня в сумке, а сумка на плече.

Уже подходя к нашей машине, мы выяснили, что змей с сотоварищем не утратили любопытства к моей особе. Они рассматривали наш номер и бесцеремонно заглядывали внутрь салона. Мне это не понравилось. В машине у нас не убрано, и гостей принимать в таком беспорядке я не собиралась. Увидев нас, ухажеры тут же отошли. Все, кончен наш роман. Поехали.

Через пять, а может, через семь минут Марья сказала весело:

– За нами следует зеленый матрас. Сейчас я водителя рассмотрю. Попомните мое слово, это Галкины ухажеры и есть. В кафе они не решились с нами познакомиться (мне нравится это «с нами»), а теперь намереваются наверстать упущенное.

– Не хочу я с ними знакомиться. Мне эта игра уже надоела. Алиса, поддай газу.

Алиса поддала. Зеленый матрас тем не менее догнал нас и, что называется, сел на хвост. Увидеть, кто сидит за рулем, было невозможно, машина имела тонированные стекла.

– Надо же, – удивилась Марья, – я и не заметила, что у «матраса» темные окна. Сколько машин на дороге, а я не видела ни одного водителя. На них как-то не обращаешь внимания. Машины на дорогах воспринимаются как самостоятельные существа, кажется, что они полые внутри – без людей, и только наша населена.

– Этот «Ситроен» тоже населен, – прошептала Алиса.

Машина с матрасом к нам как приклеилась. Мы рванем вперед, она за нами, мы приторможим, она тоже сбросит скорость. Это совсем не выглядело опасным, но хотелось понять – какого черта они затеяли эту игру? Неужели я так поразила этого прямоугольного с настырным взглядом? Машин на дороге было мало. Да и случись что, никто не остановится. Марья

правильно говорит: «Здесь ни у кого ничего не спросишь!» В какой-то момент, когда рядом не было машин, «матрас» стал явно теснить нас к обочине. Алиса обозлилась:

– Это не входит в мои правила!

– Да будет тебе, – отозвалась Марья. – Это так романтично!

Опять проезжается на мой счет драгоценная подруга. В этот момент на дороге появилось несколько машин, «матрас» чуть приотстал, но уже через минуту он мчался вровень и вдруг ловко ударил корпусом нас по корме. Ударил легко, как бы заигрывая. Так парень сидит на завалинке, потом задницей эдак подружке и поддаст. Нашли способ знакомства! Это было и смешно, и глупо, и зло брало, простите. Как ни был легкий этот удар, для Алисиной машины он был чувствителен. Марья уже открывала окно, чтобы сказать «матрасу» все, что о них думает, но в этот момент нас опять ударили, на этот раз посильнее. Признаться, мы стухнули.

– Черт! Они будут колотить нас до тех пор, пока мы не вылетим на обочину!

Спас нас рефрижератор. Откуда он взялся, как вырулил на автобан, понять нам было не дано. Огромный, гудящий, как шмель среди мошкар, он было попытался нас обогнать, но Алиса не дала. Она пришпорила коня. У нас был один выход – ехать перед рефрижератором в надежде, что он не даст нас в обиду. Зеленый матрас повертелся, потом с легкостью обогнал нас и помчался вперед.

– Бампер помял, гаденыш!

– Вот, Галка, наука тебе! Будешь строить глазки кому ни попадя! – Марья учила меня жить, мстила за вчерашние слезы.

– Да не строила я им глазки! Какие амуры могут быть в пути. Сама говорила, что я бабушка.

– Да бабушка-то ты всего полгода. Ухажеры могли этого не знать. А выглядишь ты как кормящая мать.

– Ну, спасибо на добром слове.

– А ведь они нас где-то дожидаются, – сказала серьезно Алиса.

– Может, переждем?

– Может, поедем в Брюгге? – Марья бросила фразу и рот закрыла рукой, видно, само с губ сорвалось.

Несколько минут Алиса ехала молча, потом спросила:

– Маш, ты адрес не выкинула?

– Вот он, при мне.

– Галь, следи за дорогой. И не проморгай поворот.

Через десять минут или около того мы свернули на Брюгге. Тогда мы еще не знали, что уже вступили, как скажет позднее Марья, на тропу войны, тропу опасностей и приключений.

6

Дальше рассказывает Марья Петровна Соколова

По всем законам здравого смысла мы должны были сразу пойти искать неведомого искусствоведа Константина, но мы залипли в городе. Брюгге – это сказка, диковинка, сон золотой. О Брюгге пишут как о мертвом, печальном городе. Великая слава этой северной Венеции так давно умерла, что и горевать по ней перестали. Но как можно грустить, когда попадаешь в мечту?

Меня Брюгге волновал с детства из-за «Серебряных коньков», была такая замечательная детская книга. Написала ее американка. Кстати, «Серебряные коньки» тоже в некотором смысле путеводитель. Ну и конечно, Брюгге связан с Тилем Уленшпигелем, который живет всех живых, как Дон Кихот, Обломов и Шерлок Холмс.

Представьте себе квадратную площадь. Прямо перед вами белокаменная ратуша в стиле готики: статуи, ажур, резьба, узкие окна и высокая кровля, увенчанная стройными, как иглы, как зубцы на короне, башенками. А вокруг плечо к плечу стоят дома. В Кусково были, голландский домик видели? Так тут этих домиков... Все они разноцветные, хорошенькие, живые, на флюгерах какое-то металлическое зверье. Площадь залита солнцем, геральдические флаги плещутся на ветру, фламандский черный лев на них когтист и добродушен. Народу полно, лошади цокают по брусчатке подковами, катают в старинных кабриолетах детвору.

Я понимаю, все здесь раскрашено, досмотрено и ухожено для туристов, реальный Брюгге надо смотреть в других местах. Мы много гуляли по городу: соборы, каналы, мосты и мостики – крошечные, словно для одного человека, далее увитые плющом стены, островерхие черепичные крыши... Удивительно! С полной убежденностью говорю: где бы ни заблудился взгляд, в какой бы закоулок ни проник, ты увидишь совершенство, от которого душа замирает. Просто не верится, что человек способен вот так уютно обустроить кусок земли себе под жильем.

Только тогда, когда ноги уже спотыкались от усталости, Алиса потребовала у меня адрес Константина.

– Скажите, пожалуйста: улица Камней. Я думаю, она есть на плане.

Жилище Константина, вернее бельгийского скульптора, мы нашли на удивление быстро. Старинный светло-охристого цвета дом выходил торцом на канал, фасад его был осенен раскидистой ивой. Вход украшала каменная дама в одежде с библейскими складками. Для порядка мы немного поспорили – кто будет звонить, кто первым говорить. Решено было доверить все Алисе.

– Здравствуйте... Вы Константин?

– Положим, – не удивился тот. – Чем обязан?

Артур не нашел нужным предупредить, что искусствовед был личностью мрачной и нелюбезной. Широкомордый, бородатый, в какой-то нелепой одежде, которая в мое время называлась «треники», он смотрел на нас оценивающе, приоткрыв толстые плотоядные губы, при этом нижняя все время как-то надменно выпячивалась. Мог бы хоть в дом пригласить. Чай, соотечественницы прибыли!

Уболтала Алиса искусствоведа, Алиса кого хочешь уговорит. Константин не только согласился приютить нас на ночь, но изобразил на своем мохнатом лице подобие улыбки, мол, он безумно рад, что у него три тетки переночуют. Объясняя ситуацию, Алиса все время просила разрешения позвонить в Амстердам, чтобы Артур дал нам рекомендации. От звонка Константин вежливо отказался, он нам и так доверяет.

Мне на все эти расшаркивания ножками было наплевать, я вождедела увидеть, как выглядит Брюгге изнутри. Брюгге город старый и тесный. Я не знаю, во сколько раз увеличилось его население, но уж наверняка не осталось на прежнем, средневековом уровне. Фасады зданий оставили в неприкосновенности, а нутро надо было оснастить всеми благами цивилизации, как то электричеством, водопроводом, кой-каким отоплением. К слову скажу, на Западе жилье отапливают плохо, все жалуется на холод. Это только наше отечество топит почем зря, обогревая не только жилье, но и вселенную.

Этот дом от оборудования удобствами не пострадал. Все здесь дышало стариной. Первый этаж был занят под мастерскую. Комната показалась огромной, но скоро я убедилась в ошибочности первого впечатления. Я всегда была уверена, что на картинах фламандских мастеров большие комнаты. Но здесь я поняла, что дело не в размерах помещения, а в небольшом количестве вещей. Мебели было мало: длинный дубовый стол, добротный сундук, некое подобие буфета, старинная конторка. А вешалка была современной, только неудобной, без крючков. Я с трудом пристроила свой плащ и тут же получила нарекание от Константина:

– А вот на скульптуру вешать одежду не надо. Хоть хозяин и в отъезде, но ему бы это явно не понравилось.

– А это скульптура? – опешила я.

– Это «Конструкция № 14». Видите цифру? Лучшие работы Эрика на выставке. Это так... остатки. А плащ можете повесить вон туда, на оленьи рога.

– Лучше бы ваш Эрик оленьи рога на выставку послал, – буркнула я.

Надеюсь, Константин меня не услышал. Не хочется выглядеть нахалкой. Ну раздражает он меня! С его внешностью ему не Мемлинга изучать, а проводником по тайге ходить.

Только тут я заметила еще несколько скульптур. Они не били в глаза и все странным образом напоминали вешалки. Эдакое нагромождение геометрических фигур, поставленных друг на друга как-то очень косо, неустойчиво, эквилибристика в камне.

– Странно, я эти фигуры тоже не заметила, – созналась Алиса. – В Брюгге глаз видит только подлинное, а современные выкрутасы отметаает за ненужностью.

Красноречивый взгляд Константина проорал, что он имеет большое сомнение относительно понимания нами современного искусства.

– Вот это мне нравится, – я показала на стилизованного деревянного коня с рыжей гривой.

– Это всем нравится, – согласился Константин. – Этому коню двести лет. Эрик любит игрушки и собирает их. А вещи отнесите туда, – указующий перст был направлен на задрапированный закуток, – там кладовка.

Организатором нашего быта на этот раз выступила Алиса. Обычно первой принимается за хозяйские дела Галка, но здесь она оробела, а может быть, все еще не изжила дорожное путешествие.

– Нам бы ужин приготовить...

Электрическая плита в этом доме была закамуфлирована под старинный очаг. Посуда на полках – медные, до блеска начищенные котлы – явно предназначалась не для употребления, а для интерьера. Но это нас не волновало. Предусмотрительная Алиса взяла в путешествие не только постельное белье, но и посуду.

– Марья, брось свой диктофон. Иди мыться!

Когда я после душа вступила под своды мастерской, то застала там не только накрытый стол, но явно другую атмосферу, другое состояние мира. В воздухе порхала доброжелательность. Как это Галке удастся, не знаю. Сие есть тайна. Константин поменял треники на вполне цивильный костюм, даже, кажется, бороду расчесал, потому что улыбка в чаще волос была уже не ощутимой, а зримой. Он курил трубку и внимал Галкиным речам. Я поймала их только за хвостик:

– ... Вы себе представить не можете, что для нас значит встретить в Брюгге русского человека! Мы думали, что Запад совершенно безопасен, а поди ж ты!

Очевидно, Галка придала происшествию на дороге трагический оттенок.

– Не берите в голову, – пробасил Константин. – Хулиганье во всем мире одинаково. А поломку вам устроят за копейки на любой заправке.

– Забудем... – примирительно сказала Алиса. – Надеюсь, подобное не повторится.

– Если Галку под паранджу спрятать, тогда я понимаю...

Последнее никто не услышал. Все стали рассаживаться. Константин вдруг рванул с места, скрылся на кухне и вынес три бутылки. Он нес их в одной руке, как букет.

– Выбирайте, сударыни, чем причащаться будете.

К нашему удивлению, в пузатой, черного стекла и затейливой формы бутылке, которая должна была содержать нектар урожая какого-нибудь 18... года, оказалась клюковка домашнего приготовления.

– Откуда?

– Прислали. Здесь у них «не забалуется»!

– Ну... со знакомством, что ли?

И пошел фестиваль. Между тарелок с бутербродами стояли дары Константина: селедочка с лучком, малосольные огурцы и дымящаяся картошка в мундире. Клюковка шла ходко. Это никак не входило в мои планы. Я намеревалась разговорить Константина и вытащить из него факты по истории города, такие, которые нигде не прочитаешь. А девушки мои говорили о чем угодно, только не о Брюгге и Мемлинге. Вначале они ругали наше правительство, потом они его хвалили, с русской преступности легко соскользнули на преступность фламандскую, после чего на полном серьезе стали говорить о погоде: оказывается, в Брюгге всегда дождь, а в Санкт-Петербурге исключительно ведро. Опустились даже до анекдотов. Клюковку уже распробовали, дело шло к белорусской на березовом чем-то там настоящей водке. Сами собой возникли маринованные грибы.

– Откуда?

– Привезли... У них тут...

– Не забалуется... – весело окончила фразу Галка.

Константин хохотнул, довольный. Когда Галка стала расспрашивать про известные всему миру кружева и блошинный рынок, неотъемлемую часть старого города, я решила, что пришел и мой черед. Но мои попытки толкнуть Константина на стезю прекрасного потерпели полное фиаско. Даже Алиса меня не поддержала.

– Маш, ну право, не время. Дай диктофону отдохнуть. А то он на умных разговорах зашкаливает.

Я посидела, послушала, пригубила ту, что на березовом соку, и сказала:

– Вы меня простите, господа хорошие, но у меня голова разболелась. От клюковки. С отвычки. Можно я спать пойду?

Девы мои не только не возражали, но даже, кажется, обрадовались. Меня уложили спать на втором этаже в крохотной комнатенке на широченном, на вид музейном ложе, правда, без балдахина. Внизу продолжали пировать, даже, кажется, петь начали, а я прилипла к окну. Оно выходило на канал, частично был виден аркой перекинутый мост, который упирался в крохотный двухэтажный домик под черепичной крышей. Домишечко был дряхл, уже двести лет назад он был глубоким старичком. Потом его подлатали. Наверное, целый отряд реставраторов трудился над его выщербленными стенами и сгнившими стропилами. Поросшее зеленым мхом подножье его омывали тусклые воды канала. Они набегали волной – отзвуком проехавшего катера. Волна несла темную ряску, какой-то мелкий мусор.

Вдруг как-то косо пошел мелкий дождичек и опрыскал все вокруг. Потом он усилился, стал побулькивать на поверхности канала. Домишечко тоже намок и по-стариковски пригорю-

нился. На втором этаже его в круглом окне за белой занавеской вспыхнул осторожный, похожий на свечу огонек. Но не исключено, что это была настольная лампа с маленькой лампочкой. Я тут же представила себе юную золотоволосую фламандку с книгой – старинным манускриптом. Господи, я стала сентиментальной. Что стар, что млад – в голову лезут одни сказки.

Тут я стала чихать – аллергия, и образ золотоволосой девы совершенно стусеивался. Кровать была жесткой, засыпала я трудно. Потом, что называется, забылась. Мне снилась подмосковная деревня с огородом, с высокими зонтиками укропа, метелками моркови и синим лесом на горизонте. Было почему-то грустно – до слез.

Что-то нудновато у меня идет сюжет, прямо скажем. Я стесняюсь уверенно крикнуть: «За мной, читатель!» Кто из великих так призывал? Булгаков, кажется? Я могу только оправдываться и обещать, что потом дело пойдет живее. Но, в конце концов, это еще и путевые заметки. Ну не могла я не написать про Амстердам и тем более про Брюгге. Вы даже не представляете, как там красиво.

Я проснулась среди ночи от чудовищной изжоги, маринованные маслята явно удивили мою поджелудочную железу. Дом спал. Темнота вокруг меня была плотной и липкой, лоб – мокрым от испарины. Надо попить воды. Для этого надо спуститься на кухню. Где-то здесь торшер был с такой штучкой для включения, знать бы, с какой стороны. Я повернулась на бок и замерла от странного ощущения, что я не одна в кровати, со мной кто-то лежит.

– Галь, ты? – спросила я громко.

Ответа не было. Со сна я еще не успела испугаться, поэтому руку вбок выбросила весьма беспечно. Кто-то действительно лежал рядом, безмолвный и неподвижный. Рука моя слегка передвинулась, и пальцы поймали привычное, я поняла – нос... а под ним губы – ледяные.

Я вскочила со своего ложа со скоростью отпущенной пружины. Всем известно, что в момент пробуждения люди за секунду видят сны, вмещающие в себя события часа, дня, а иногда всей жизни. То есть в эту секунду умещается невероятное количество событий. Мозг, очевидно, работает как бешеный. Так случилось и со мной. В одну секунду, только не сна, а яви, перед моим слепым взором пронеслись миллионы образов, словленных со всей чернухи, которой нас пользуют телевизор и книги в безумных обложках. Рядом присутствовали персонажи моей реальной жизни, где-то кого-то отпевали или хоронили, под потолком, вереща, как вертолет, пролетел гроб с панночкой, «поднимите мне веки!», какие-то неведомые тени, убиенные, замученные, непогребенные, пробежали по стенам моей спальни, и все эти образы в один голос вопили короткое слово: труп!

Все это действительно продолжалось доли секунды, потому что от моего прыжка торшер упал набок и сам собой зажегся. Кто это, елы-палы? Лицо до подбородка закрыто пледом. Волосы седые или белые? Платиновые, вот какие! Старуха или крашенная? Впрочем, какая разница? Как очутилась здесь эта тетка с вперенным в потолок мертвым взглядом?

Дальше, как говорили мне девочки, был визг, а может, вой: утробный, волчий, безостановочный. Это уже потом, когда меня валерьянкой отпаивали, когда Алиса гладила мне колено, Галка с ложечки поила водой и даже Константин в неглиже – мешком сидящей пижаме – бубнил на одной ноте: «Ну Марья Петровна, голубушка, ну как вы могли, право, мы и представить себе не могли...» – я обрела возможность соображать и поняла, что это шутка. Рядом со мной лежала кукла из коллекции бельгийского скульптора Эрика.

– Ну прости нас, киска, ну дуры... Ну перебрали. Как-то она сама шла, клюковка-то... Перепились. Нам и в голову не могло прийти, что ты проснешься ночью. Мы думали, встанешь утречком, увидишь соседку и будешь хохотать до колик. И настроение у тебя будет веселое. Ну улыбнись, девочка, золотая, родненькая.

Я сидела истуканом и смотрела куда-то сквозь.

– Мы тебе вначале дядьку хотели подложить, – внесла свою лепту Галка, – но потом решили, что это нецеломудренно. Но как тебе в голову могло прийти, что это труп?

– После разговора в Амстердаме я все время об этом думаю... что, мол, детектив не могу написать и все такое прочее. А эта рядом такая тяжелая, неподвижная, и нос ледяной.

– Фарфоровый. Знаешь, каких отличных кукол делают в Бельгии? Константин ночью нам их всех показал. У Эрика их целая кладовка. Хочешь, и тебе покажем?

– Нет.

Константин принес мне горячий кофе и внимательно следил, как я, обжигаясь, пытаюсь сделать глоток побольше.

– Ну как, вам лучше? – спросил он, когда я протянула пустую чашку.

– Хуже быть по определению не может. Утром вы мне будете час, нет... полтора наговаривать в диктофон. Про Брюгге. И про Мемлинга... для путевых заметок, – обожженный язык мой работал плохо, и фразы вылетали по кускам.

Конец ночи я провела в одной кровати с Алисой. Наутро меня спросили:

– Ну как ты?

– Если честно, то мой ночной испуг ни в какое сравнение не идет с ужасом от потери сумки.

– Что же ты визжала? В музее небось молчала, как рыба.

– Здесь был испуг мнимый, а там от реального кошмара у меня голос отнялся. Девочки, ведь в той сумке все было: и паспорт, и деньги, прошлое и будущее...

– Опять заладила. Хватит! Поезд ушел. Все счастливы.

– Манька, какой же ты все-таки совок!

К слову сказать, Константин сдержал обещание. Он оживил Брюгге, он воспел хвалу Мемлингу. Кто бы мог подумать, что этот любитель клюковки на спирту мог говорить таким высоким слогом? Начал он традиционно: «Нидерланды – это низкие земли. Название Фландрия происходит от слова “vlieden”, что значит бежать. Люди спасались от наводнения бегством, и образовалось “прибежище”».

Основание города относят к VII веку. Основателем династии фламандских графов был отважный, коварный и жестокий Болдуин I Железная Рука. Болдуин воевал за земли с норманнами, но не брезговал собирать землю и другими средствами. Он похитил у короля Карла Лысого его дочь Юдифь, и границы Фландрии расширились за счет владений французской принцессы. Сын Юдифи Болдуин II уже называл себя Каролингом».

Словом, это была целая лекция, которую можно будет вставить в путевые заметки целиком. Этим я потом займусь, дома. Только несколько слов о Мемлинге. Существует прекрасная легенда. После битвы при Нанси в брюггский госпиталь Святого Иоанна попал раненый юноша – воин Карла Смелого. Монашки-урсулиники его выносили, и в благодарность монастырю он написал ряд картин и известную раку святой Урсулы. Легенда прекрасна и поэтична, но реальность, по-моему, не хуже: Мемлинг был сыном бюргера, сам был бюргером, а по совместительству стал великим художником.

Когда мы уходили, чтобы предпринять еще один бросок по городу, Константин сказал:

– В монастыре Святого Иоанна попросите увеличительные линзы. Тогда рака святой Урсулы оживет. Вы увидите подлинный средневековый мир.

– У нас на все музеи три часа, – сказала Алиса. – Сегодня вечером мы должны быть в Пализо под Парижем.

– Тогда я пойду с вами, – сказал этот удивительный искусствовед. – Нельзя пускать путешествие по Брюгге на самотек. Вы должны увидеть главное.

7

– Ну и что ты хотел? – спросил Второй у Первого, когда «ситроен» остановился у обочины.

– Ждать их будем. Не смогут же они все время прятаться за рефрижератор.

– Да они уж свернули давно.

– Нет, они едут в Париж. Это я понял. Слово «Париж» у них шипит, как муха в стакане.

Первый, блондин с чугунными плечами, по прозвищу Крот – в миру Пьер Марсе – сидел положив руки на руль и, полузакрыв глаза, смотрел перед собой. Второй, тот, что в жилетке с карманами, похожий в профиль на грустную плешивую птицу, назовем его Шик, непрерывно курил, кашлял, вертелся и вообще излишне суетился. Не успеет сигарета догореть, он уже ее тушит, опять лезет в карман жилетки в поисках зажигалки, опять закуривает, соря вокруг пеплом. Суета эта несказанно раздражала Пьера, но он делал вид, что не замечает нервного любопытства соседа.

– Я не это хотел спросить, – опять подал голос Шик. – Что ты хотел делать с этими тетками в «опеле»? Аварию устроить?

– Ничего не хотел. Просто мне все это очень не нравится.

– Еще бы, – сказал Шик, с яростью уминая сигарету в пепельнице. – Я до сих пор в себя прийти не могу.

Ему очень хотелось задать Кроту вопрос по существу, но он знал, что не получит на него ответа. Пьер Марсе был человеком серьезным и зря словами не сорил. Главное, как понял Шик, запись в чужом диктофоне тоже была для Пьера полной неожиданностью. Сидели себе в кафе, пили пиво, ждали этого недоноска и стервятника Додо. По всем расчетам, стервятник должен уже быть на месте. Разговор был обычный.

– Слушай, – спросил тогда Пьер, – а почему у Додо кличка такая – Ситцевый?

– Дешевка он.

– Нет, а серьезно?

– Говорят, эту кличку Додо сам себе сочинил. Пират был такой – Ситцевый Джек. Очень удачливый человек. Все ему сходило с рук. Но попался. Последние его слова его на эшафоте были: «Я раскаиваюсь».

– Чтоб Ситцевый Додо в чем-то раскаивался! Никогда не поверю. Додо не пират, он мелкий жулик. Но упрямый, как черт.

– Ситцевый Додо – кремень, – подтвердил Шик. – Просто так он не уступит. Но можно припугнуть. Только что-то он не торопится.

– Может, в аварию попал, – хохотнул Пьер.

– Об этом можно только мечтать. Но такие в аварию не попадают.

Еще взяли пива, помолчали. И вдруг на все кафе зазвучал голос Крота: «Все о'кей. Шесть штук. Цифра шесть всегда была моим талисманом». Шик посмотрел на Пьера, мол, что это он так громко орет, и понял, что тот молчит, оглянулся назад и ест глазами женскую компанию, что сидит через стол.

Обычное дело, три путешественницы, немолодые... не скажешь – леди, но очень приличные, только слишком шумные. Но теперь они разом умолкли и внимательно слушали диктофон, который держала в руках грудастая в черном. А диктофон незнакомым Шиком голосом продолжал выдавать информацию. Пьер, почти не разжимая губ, старательно повторял, то есть слово в слово. «От инструкции ни на шаг. Запоминай», – сказал незнакомец. Дальше пошли цифры. Потом бодрый голос Пьера отозвался: «Упаковано».

Цифры, конечно, Шик запомнить не мог, память на цифры всегда была у него дырявой. «Хоть бы звук приглушили, шалавы! – мысленно обругал Шик теток. – Пустили громкость

на всю катушку!» Он испуганно осмотрелся по сторонам, но в кафе было пусто, а девица за стойкой не обращала на них никакого внимания.

Грудастая в черном костюме нажала на клавишу: стоп, щелчок, и опять зазвучала речь на незнакомом языке. Слушали тетки ее плохо и все что-то охорашивались, старые курицы.

– Кто они? – с испугом спросил Шик.

– Русские.

– Ты что – по-русски понимаешь?

– Нет, но говор-то их отличить легко.

– Может, этого позвать? – Шик кивнул в сторону стоянки машин.

– Нет. Сидит там, и пусть сидит.

Шик замер. Это надо обмозговать. Дело принимало неожиданный поворот. Пьер Марсе не любил сорить словами, но, видно, где-то проболтался. Нет, почему проболтался? Видно, у него в Амстердаме была назначена встреча с этим самым господином N. И этот N выдал инструкцию. Значит, Пьер врал, что он в этом деле главный. Наставить рога Додо – это правильно, но кто он, этот новый покупатель? Кто он, этот господин N?

– Где ты наследил-то? – не удержался Шик от вопроса.

– Не знаю. Следили и выследили, – голос Пьера звучал растерянно, это было так на него не похоже, что Шик струсил, после чего и стал курить сигарету за сигаретой.

Русские дамы вдруг поднялись, диктофон переключал в сумку. Пьер проводил его жадным взглядом.

– За этой черной, которая с искусственным жемчугом, надо следить...

– Похоже, жемчуг настоящий.

– Шею бы ей свернуть вместе с ее ожерельем!

Единственное, что успели на стоянке, это запомнить номер их «опеля». Номер был немецкий. А дальше началась гонка, которая кончилась ничем. Теперь Шик сорит пеплом и пристаёт с вопросами. Неотвязный, как оса.

– Как ты думаешь, кто они такие?

– По виду – туристки, а там кто их знает.

– Все они по виду туристки, а потом выяснится, что одна из них полковник КГБ, а вторая капитан полиции, – прошипел озабоченно Шик.

Третий на заднем сидении крякнул, поперхнувшись коньяком, который всю дорогу сосал из фляжки с завинчивающейся крышкой, но в разговор не вступил.

– Много ты видел полковников КГБ! – с раздражением бросил Пьер.

– Мало ли чего я не видел.

– Я просто хотел остановить их у обочины и попросить кассету с записью. И они, телки эти старые, поверь мне на слово, отдали бы ее без звука.

– А может, со звуком. Наставили бы на тебя пушки. Все бы дело гробанулось.

– Что случилось? У нас неприятности? – подал наконец голос Третий.

– Нет никаких неприятностей, – буркнул Пьер.

– Но я же вижу. Почему вы этих русских хотели убить?

– Да нужны они!.. – Пьер длинно выругался.

Третий только поежился и промолчал. Он не имел права голоса. Не имел он также права выходить из машины на всем пути от Амстердама до Парижа. Вслух об этом не говорили, но как-то само по себе было ясно. Третий должен был сторожить товар. Пока он еще не продан, товар был его собственностью.

Хотя если честно говорить, то он и сам бы ни за какие коврижки не вылез из «ситроена» на волю, потому что боялся. Он всего боялся, и внешний мир пугал его ничуть не меньше, чем эти двое, сидящие на передних сиденьях. Что он о них знал? Да ничего... Вадим сказал: надежные люди. А разве сам Вадим надежен? Верить нельзя никому.

И почему бы этим двум не трахнуть его по башке прямо здесь, в машине, а потом выкинуть труп на обочину, чтобы французское или бельгийское воронье выклевало ему глаза? Его выкинут, сами привезут товар в Париж и денежки прикарманят целиком. Знал бы несчастный Третий, что его присутствие при продаже необходимо, как сертификат качества, может быть, и успокоился бы.

– Никто никого не хотел убивать, – жестко сказал Пьер, – и не надо зря молоть языком.

– Мы торчим здесь уже пятнадцать минут, – Шик опять потянулся за зажигалкой.

Пьер почесал переносицу, что всегда делал в минуту раздумий. Его подловили в музее, это ясно. Но как? Зал, где велся разговор, был пуст, это он точно помнит. Значит, они заранее поставили прослушку. Но почему? Ведь совершенно очевидно, что никто из трех женщин не знает его в лицо. Иначе бы они вели себя иначе. Может, они пустили эту запись как приманку? Может быть, они хотели, чтобы Пьер ввязался в скандал? А тут полиция всех бы и повязала. Нет, не похоже. Эти сударыни явно надеялись только на собственные силы. Надо же, подобрали контингент, одна другой старше. В этот момент мимо промчался уже знакомый рефрижератор. Пьер принял решение.

– Сейчас для нас главное – время. Мы должны опередить... всех опередить.

Он с остервенением нажал на газ, машина рванулась вперед так стремительно, словно хотела взлететь.

– А Ситцевый Додо?

– Не встретились, и черт с ним. Нам с ним одну козу не доить.

– А если он сам нас найдет?

– Тогда я ему не завидую.

8

Я думала, что только у нас дома бывают такие неудобства и накладки. Ключ входил в скважину, как нож в масло, очень легко, но не поворачивался ни влево, ни вправо. Мы говорили Алисе: «Посильнее нажми-то!», а она отвечала: «Я жму изо всех сил, это ключ не тот».

Потом она строго уставилась на нас.

– Сознавайтесь, девы, кто шарил у меня в сумке? Кто что искал? Кто что забыл? Каким образом подменили ключи?

Никто из нас двоих нигде не шарил, но мы на всякий случай потупились. Потом она ударила себя по лбу и сказала с отчаянием:

– Господи, это я, кретинка, сама во всем виновата. Я искала помаду и вытряхнула содержимое сумки на столик в прихожей, а потом запихала все назад как попало. Там же лежали Артуровы ключи, очень похожие на эти: длинный, золотой и два привеска. На них тоже брелка не было, обычное металлическое кольцо. Значит, ключи от этого особняка мы оставили под зеркалом в Амстердаме. И что теперь будем делать?

– Ты хочешь сказать, что нам негде жить?

Мы помолчали. Дом возвышался перед глазами темной громадиной. Близок локоток, да не укусишь. Особняк принадлежал некому господину Такамицу, японцу, физику, с которым Алиса прятельствовала. Раньше она никогда здесь не была, но любезный господин Такамицу, между прочим, подданный Германии, называемый европейцами просто Така, отбыв с супругой на Таити, а может быть, на Канары, а вернее на конференцию в Канаду, любезно предложил Алисе пожить здесь с подругами.

– Давайте поедem в какую-нибудь маленькую уютную гостиницу, – предложила я.

– Цена за маленькую-уютную, если считать в нашей валюте, украшена таким же количеством нулей, как расстояние от Земли до Солнца.

– А какое расстояние до Солнца? – дергал меня черт за язык.

– Лучше молчи, а то сейчас случится членовредительство...

Алису можно было понять, мы очень устали. Из-за бдительного Константина, который следил, чтобы мы в Брюгге увидели «главное», мы выехали только в четвертом часу. Кроме того, мы заблудились на парижских окружных, а потому прибыли в городок глубокой ночью. У нас было одно желание – обрести крышу над головой. Мы так страстно мечтали о ванной и чашке кофе, что нелепая ситуация с ключами казалась предательством судьбы. Галка, как самая находчивая из нас, предложила:

– Надо найти незапертое окно и проникнуть в дом. Поживем здесь неделю, а потом уедем, оставив замок непочатым.

– Кой черт непочатым! Французы не оставляют открытых окон.

– Это немцы не оставляют, а французы похожи на нас, бывают такие же бестолковые. Я читала, – упорствовала Галка.

– Между прочим, наш хозяин и вовсе японец, – вставила я.

– Вечно ты со мной споришь!

Не дослушав наших возражений, Галка отважно нырнула в темноту и пошла вдоль дома.

– Что же, мы так и будем целую неделю влезать в окно и вылезать из окна? А что соседи скажут?

– А ты видишь здесь каких-нибудь соседей?

Дом действительно стоял как-то странно, мало того что он отступил от ряда прочих особняков, он еще развернулся под углом к улице. Поверьте, дом имел на это право, он был огромен и благородно стар. В темноте нельзя было рассмотреть трещины и выбоины в его кирпичной украшенной плющом башне, но в самих очертаниях ее была средневековая величавость. Внизу

башня была глухой, и только высоко, на уровне третьего этажа, виднелись оконные ставни. Вплотную примыкавшее к башне строение, наоборот, имело множество окон, выходящих в палисад.

Я забыла сказать, что калитка в палисад была не заперта, а только притворена, это и навело Галку на мысль о некоей безалаберности хозяев. Палисад был ухожен, но большая часть его была отдана не кустам роз, по примеру соседствующих особняков, а высоким пушистым елям. Дома такие елки называются голубыми. Газон, как и везде в этом государстве, был безупречен.

Мне уже понравилось жить в этом особняке. Выглянула луна. Я была вся в мечте, в романтике, в переживаниях. Боже мой, могла ли я представить в Москве, что буду когда-нибудь ночевать в таком доме?

Самое удивительное, что нашлось-таки окно, где имелась незапертая форточка. Мы посадили Галку, она открыла шпингалет и осторожно проникла в дом.

– Девчонки, подождите меня здесь, я, может быть, открою дверь без всякого ключа. Если у них английский замок, то это проще простого.

Галка ушла вглубь дома, и скоро мы слышали, как она возится со входным замком. Старания ее были напрасны, дверь не открылась, поэтому нам пришлось лезть вслед за Галкой в окно, что при моих габаритах довольно сложно. Но в счастье об этом как-то не думаешь.

Когда мы влезли в дом и зажгли свет, нашим глазам открылась гостиная. Ну, я вам скажу... светлая мягкая мебель, обитая полосатым шелком, журнальный столик в виде стеклянного куба, на нем искусственные белые цветы в вазе, люстра – водопад хрусталя с золочеными подсвечниками. На стенах, естественно, живопись.

– Тетки, насколько я понимаю, это и называется роскошью?

– Похоже, ты правильно понимаешь, – отозвалась Алиса. – И это очень странно. Я и не предполагала, что Такамицу имеет подобные апартаменты. Он называл свой дом – лачужка с гаражом.

– Ты же говорила, что он богат.

– Это отец его богат, что на Западе совсем не одно и то же.

– О чем вы спорите? – сказала я. – Посмотрите, какие дивные картинки на стенах. А шторы, мебель – ведь все это антиквариат. Жить в таком доме хотя бы неделю!.. У меня нет слов.

– Вот и давай молча втаскивать чемоданы.

– Подожди, надо дух перевести. Где мои сигареты?

Это особенность Алисы – курить в самое неподходящее время.

– Потом переведешь свой дух. Пошли.

Машину решено было оставить на улице. Искать гараж не имело смысла. Ключ от него остался на брелке, который лежал сейчас под зеркалом в Амстердаме. Чемоданы и прочее барахло были благополучно транспортированы в дом через окно. Трудность возникла с бесконечными целлофановыми вместилищами, в них была дорожная посуда, продукты, моя сменная обувь, какие-то мелочи, купленные в дороге. Все пакеты были темные, а потому едва различимы в темноте.

– Ну вот, мы на месте. Теперь будем этот дом обживать...

Обживалась я обычно очень быстро, для этого необходимо было только выгрузить из чемодана часть имущества и рассредоточить его по комнате.

– Марья, не захламляй гостиную. Оporожнять чемодан будешь в спальне. Кто готовит кофе?

– Сдает тот, кто спрашивает, – отозвалась Галка. – Лично я лезу в ванну. Сегодня моя очередь первой смывать дорожную пыль.

Алиса отправилась на поиски кухни, Галка достала махровый халат. Вскоре послышался шум льющейся воды и пение. Галка всегда пела, когда мылась. Я же решила не тратить времени зря и обследовать дом. Больше всего меня манила к себе башня. Лестница была крутой, узкой, скрипучей, прелесть, а не лестница, дерево поручней было отполировано прикосновением множества ладоней. Не одну сотню лет карабкались по ней старики, дети и дамы в кринолинах.

Лестница привела меня в тесный холл с четырьмя дверьми, я толкнула первую и включила свет. Это была спальня. Матовые светильники создавали приятный полумрак, обтянутые чем-то блестящим стены (матушка моя – шелк!) сияли перламутром. Огромная белоснежная кровать... в ней опять лежала кукла, укрытая до подбородка пледом. Вот наказание! Что за пристрастие такое в европейских государствах создавать кукол в натуральную величину и пугать ими обывателей? Кукла была мужского пола, и мне не хотелось ее рассматривать. Не до того было. Мужика этого мы из кровати выкинем, рассуждала я, неторопливо обследуя комнату. А можно просто занять другую спальню, наверняка в этом доме их несколько. Куда больше меня занимали сейчас мелкие игрушки, а именно безделушки на туалетном столе. Я думала, все это фарфор, но оказалось, что разномастная фауна сделана из различных материалов. Обезьянка оказалась плюшевой и выглядела, право, произведением искусства. Жирафы из стекла, лошади из неведомого материала, фантастических раскрасок птицы – и все крохотное, не больше спичечного коробка.

Увлеченная осмотром, я не услышала, как наверх поднялась Алиса, и обнаружила ее присутствие только по сдавленному всхлипу:

– Это еще что такое?

– Драгоценный зверинец...

– Да я не об этом говорю, – она вытаращенными глазами смотрела на кровать.

– Ах, это? Опять кукла, – сказала я беспечно. – Вы ее сюда подбросили или хозяева балуются?

– Какая же это кукла? Это труп.

– Как – труп?

Надо сказать, что заявление Алисы меня не столько взволновало, сколько удивило. Все ужасы, связанные с обнаружением мертвого тела, я оставила в Брюгге. Сейчас меня так легко не проведешь.

Я подошла к кровати, осторожно подняла плед за уголок и тут же опустила его. Мне не надо было дотрагиваться до тела, и так все было ясно. Мертвый труп убитого человека, как пишет Антон Павлович. Огромные залысины на лбу, острый нос, запавший рот и уши... О, эти уши я запомню на всю жизнь, шаржированно огромные, с жесткими пучками волос внутри ушной раковины.

Несколько мгновений мы простояли в оцепенении, а потом нас как ветром сдуло. Алиса кубарем скатилась по лестнице, я задержалась, чтобы выключить свет и плотно закрыть дверь. Такое не должно лежать на свету, темнота ему необходима, как гроб.

Алиса орала на бегу:

– Галка, вылезай немедленно! Быстро! Моментально, я тебе говорю.

– Что значит – моментально? У меня голова в мыле.

Алиса ворвалась в ванную и подхватила сидящую в воде Галку под мышки.

– Куда ты меня тащишь?

– Там труп.

– Какой труп?

– Мужской.

– Ты уверена?

– А если бы он был женский, то можно было продолжать мыться? Да скорей же! Влезай в халат. В машине переоденешься.

– Ну уж нет. В халате я не поеду, – Галка напялила на мокрое тело майку и юбку.

Как мы выкатились из этого особняка, я не помню. Вначале мы судорожно впихивали в пакеты наши уже расплзшиеся по дому вещи, потом в оконный проем полетели чемоданы и прочее барахло. Каждый понимал: главное – ничего не забыть. Через минуту, нет, через две, ну хорошо, через пять мы сидели в машине и тяжело дышали. У Алисы никак не заводился мотор... Наконец затарахтел, и наш железный конь как безумный полетел от страшного места.

Мы мчались по главной улице городка. Особняки с палисадами вскоре сменились плотной застройкой домами с разноцветными вывесками и витринами. Торговая часть Пализо в этот час была совершенно безлюдна. Потом опять пошли отдельно стоящие особняки. Видно, мы успели проскочить весь город.

– Остановись. Сообразим, что к чему.

– Я сейчас отказываюсь соображать.

– Ну хоть покурим.

Машина встала как вкопанная, но, видно, наша дрожь передалась и ей, безмолвной труженице, сиденья под нами продолжали нервно покачиваться.

– Что делать будем? – Алиса закашлялась, слишком глубоко затянувшись сигаретой.

– Я не понимаю, почему вы так перепугались, – заметила Галка. – Кто-то в доме умер. Это бывает. Просто твой приятель не успел нас предупредить.

– Когда кто-то в доме умирает, его обмывают и кладут на стол. А этот лежит в койке в абсолютно пустом доме...

Я могла несколько прояснить ситуацию, но не хотелось пугать подруг, поэтому сказала только:

– Надо обратиться в полицию.

– Нет, – Галка так и вскинулась. – Я не хочу в полицию. Я хочу в Париж. Зачем нам французский труп? Привяжутся и будут каждый день вызывать в жандармерию, или как там у них это называется.

– У них это называется префектура.

– Будут водить нас в префектуру и заставят подписать бумагу о невыезде.

– И хорошо, – обрадовалась я. – Поживем в Париже не неделю, а месяц. И потом, девы, это же готовый сюжет.

– Ты соображаешь, что говоришь? – у Алисы дрожал голос. – Я должна быть на работе через десять дней. Иначе у меня эксперимент горит.

– И что ты предлагаешь нам сейчас делать? Жить-то негде.

– Поехали ко мне в Дюссельдорф. И в Германии люди живут. Покатаетесь по Рейну, а как подойдет билетный срок, полетите в Москву.

– Меня это совершенно не устраивает...

Надо ли говорить, что я поддержала Галку. Рейн, конечно, тоже неплохо, но мы сидели в двадцати километрах от Лувра, Монмартра и сада Тюильри... Я мечтала об этом всю жизнь. Я задыхнулась от возмущения. Мне чисто физически не хватало воздуха. Я опустила окно, выглянула в ночь. Прямо перед моими глазами безмятежно сияла цифра 178 и название улицы, все та же рю де Пари. Парижская, если перевести на русский язык. Сердце у меня забилося как бешеное. Именно от этого дома нам надлежало завернуть в узкий проулок, чтобы найти нужный особняк – третий по счету с правой стороны. Во всяком случае, именно так было написано в памятке, которую Алиса называла адресом.

– Девочки, посмотрите. Вот он, наш номер-то. Мы залезли в чужой дом.

По машине прокатилось что-то вроде тяжелого вздоха, похожего на лесной гул.

– Как такое могло случиться?

– В темноте увидели лишнюю единичку, это бывает.

– Сидите, я сейчас, – Алиса от волнения совершенно охрипла.

Она осторожно вылезла из машины, мы последовали за ней, нырнули в проулок. К решетчатой ограде крохотного палисада мы приблизились на цыпочках.

– Жасмин... – услышали мы ее голос. – Как я забыла? Эсмеральда рассказывала мне про этот куст. Она его из Англии привезла.

– Какая Эсмеральда? Из «Собора Парижской Богоматери»?

– Да ну вас, – нервно вздохнула Алиса. – Я про жену Такамицы говорю.

На этот раз ключи подошли и к калитке, и к дому, и к гаражу. Мы приехали туда, куда должны были приехать. Кошмар кончился. Черт с ним, с детективом, подумала я с облегчением. Будем просто жить и радоваться Парижу.

Но все уже свершилось. Дальнейшего сюжета нам не надо было придумывать. Он сам шел за нами по пятам.

9

Первый день в Париже. О, хотите, я расскажу вам, что это был за день? Париж начался с Люксембургского сада. Галка любит, чтобы осмотр каждого значительного города начинался с парка. Мы так и начали.

В Париж мы поехали не с самого утра. Вначале мы стирались, мылись, без конца ели и пили кофе. О вечернем страшном происшествии не вспоминали, словно его и не было. Сейчас все наши помыслы занимала первая вылазка в город. Алиса заявила нам, что ни под каким видом не поедет в Париж на машине. Не настолько хорошо она разбирается в здешних правилах дорожного движения, да и с парковкой проблема. Поскольку гараж был занят хозяйским «ягуаром», нашему «опелю» предстояло коротать дни и ночи на платной стоянке.

По дороге домой кто-то из нас спросил:

– А мы там ничего не забыли, а?

Каждый тут же понял, где это – там. Нет, не забыли, ничего не забыли.

Галка вдруг остановилась как вкопанная.

– Вообще-то я утром не нашла свой крем. Похоже, я оставила его в той ванной комнате.

– И ты так спокойно об этом говоришь? – ахнула я. – На креме твои отпечатки пальцев!

– Марья, не идиотничай! Не будет же полиция гулять по всему Парижу с баночкой крема.

И потом, вы тоже цапались за стол и прочие вещи. Там ваших отпечатков пруд пруди. А крем импортный, дорогой, и дизайн современный. Он вполне мог принадлежать хозяевам особняка. Там этих кремов...

– Я как-то не подумала про отпечатки пальцев, – опечалилась Алиса. – Но Галя права. Это только в детективах по отпечаткам пальцев находят преступников. В Москве каждый день заказные убийства. И никого не находят.

– Да какие же мы преступники? Что ты городишь-то?

– Верно. Хватит. Было и прошло. Больше об этом не говорим.

Мы пошли на вокзал, купили проездной на неделю. В Париже это совершенно необходимо: электричка плавно втекает в метро, и на весь путь нужен один проездной билет, именно с фотографией. Алиса предупредила нас об этом заранее, и мы запаслись фотографиями еще в Москве.

Итак, мы доехали на метро до центра Парижа и выпали в Люксембургский сад. Ничего себе... Мы озирались как-то застенчиво. Куда больше, чем эти аллеи, деревья и люди на скамейках, нас волновало само название этого места. Столько всего читано, где Люксембургский сад был неперемнным участником! И вот мы здесь, под его сенью. Дворец стоит. Его построила Мария Медичи, вторая жена Генриха IV Наваррского, о котором много писал Дюма.

Внутри Люксембургского дворца мы, конечно, не пошли. Обойти дворцы в Европе – на это нам не хватит ни времени, ни денег, и потом, в Петербурге дворцовый интерьер не хуже. У нас была совсем другая задача – протоптать в Париже свои тропы.

Насчет троп я загнула для красного словца, тропа здесь у туристов одна. Конечно, мы пошли на остров Сите к собору Нотр-Дам. Не буду говорить, что он огромный и прекрасный. Это все знают. Но меня чрезвычайно удивило, что собор совершенно белый. А где копать веков? Понятно, что собор реставрировали, и еще сейчас на главном фасаде висит заградительная сетка (что, кстати, не портит величественного вида).

Мой относительно уравновешенный характер имеет много недостатков, вот один из них – внезапно вспыхивающее любопытство. Желание узнать что-то сейчас и немедленно сродни болезни. На этот раз мне приспичило узнать, как они его, то есть Нотр-Дам, чистили. Не мылом же смывали грязь веков? Дома, в России, купола именно моют мылом, говорят, детским, чтоб не смыть позолоту. На Нотр-Дам никакой позолоты не было, но это не упрощало задачу.

Отмыть все эти кружева и контрфорсы не представляется возможным. Я знаю, что Кремлевскую стену у нас в свое время чистили пескоструйным аппаратом. Но одно дело стружку снимать с кирпичной стены, и совсем другое – с этого резного чуда. Наверное, французы используют химию. Не истончили бы собор до полной хрупкости. И как всегда – ни у кого ничего не спросишь. Никого похожего на гида. И потом – отсутствие языка... Любуйся молча, а все вопросы будешь снимать дома.

Внутри собор еще больше, чем снаружи. У алтаря есть такой выгороженный загончик со стульями, куда туристам ходить заказано, там молятся. Рядом кабины, где верующий католик может исповедаться. Это трогает. Сидит тихий человек в сутане и ждет, когда кто-то из любой части света захочет облегчить свою душу.

У нас так просто не исповедуешься. Вначале надо трехчасовую службу на ногах отстоять. При артрите это сложно. Интересно, есть ли у католиков пост? Органист играет, звуки разносятся по всему храму, забиваются в самые высокие закоулки и там гудят многоголосым эхом. Свечи горят... Нет, вру, не свечи, а фитильки в маленьких рюмочках, наполненных воском. Витражи сияют. Они здесь удивительной яркости и красоты.

Я не выдержала и перекрестилась. И даже «Отче наш» шепотом прочитала. Наверное, с точки зрения православия это грех – молиться в католическом храме, но не совладала с собой. Здесь было так прекрасно и все умиляло.

После собора день показался особенно ярким и солнечным. Алиса сказала, что где-то на площади есть некая обозначенная точка, которую французы считают центром мира. Мы долго искали эту точку, но не нашли. Может, Алиса что-то напутала? Не могут французы быть такими снобами.

Галка тем временем стала поднывать, что неплохо бы и перекусить. Про ресторацию или кафе ввиду денежных сложностей она и не заикается, но длинный французский батон... Вот она закрыла глаза, и батон перед ней как живой. Более того, она улавливает его запах.

– Нет, моя дорогая. Перебьешься, – строго сказала Алиса. – Если мы будем мечтать о французских батонах, то ничего не увидим. Сейчас мы пойдем в Сент-Шапель. Шапель – значит часовня. Она построена Людовиком Святым для хранения тернового венца Христа, обломка Креста Господня и еще чего-то по мелочам. Этот собор – главная красота Франции. Поверьте, не вру. 1264 год! Он изнутри весь драгоценный. А работает только до пяти. Если поторопимся – успеем.

И мы пошли смотреть главную красоту Франции. Сент-Шапель размещалась рядом с дворцом Правосудия. Алиса, как всегда, была права. Изнутри собор напоминает иллюстрации к очень дорогим детским книгам, которые пытаются изобразить старую Францию. Я хочу сказать, что такого во взрослой жизни уже не бывает. Там были фантастические драгоценные витражи, стены в узорочье, короны и лилии переплелись с тончайшим растительным орнаментом. Одежда святых – фигуры в рост – была украшена... наверное, это смальта все-таки или стекло, не может быть, чтоб здесь остались рубины и изумруды.

А потом заиграла музыка. Здесь очень уместно междометие «О!». Играли попури из лучших мелодий, которые создало человечество. Музыка застигла людей врасплох, как в детской игре «замри». Лица у всех разгладились... слушали, а может, молились. Народу было немного, человек тридцать, все туристы. Я вспомнила не к месту «Мост короля Людовика» Уайдлера. Рыжий монах в этом романе все пытался понять, почему, за какие грехи Господь собрал на подвесном мосту именно этих пять человек, чтобы потом порвать мост и толкнуть несчастных в пропасть. А я думала: за какие добрые дела мы, люди всех национальностей, собраны здесь для праздника души? Тихие вышли мы на улицу.

– Галка, все, ликуй. Мы можем подумать, где поесть. Для этого лучше идти в Латинский квартал.

У нас были очень маленькие запросы: чашка кофе и пара булок, но и этого город Париж не мог дать нам с легкостью, потому что цены вокруг были возмутительные. Ну ладно, не об этом речь. Поели, покурили. А потом я сказала:

– А ведь он там лежит... Убитый. А мы, три здоровые тетki, не можем помочь французской полиции найти преступников. У нас у всех умерло гражданское чувство. А если бы мы в Москве нашли труп?

– Тише ты! Говорить о таких вещах в людном месте...

– Все равно здесь нас никто не понимает.

– Неправда, здесь полно русских.

– Свои не выдадут.

И все-таки мы ушли от греха, оставили кафе и разместились в сквере на лавочке. Там и продолжили разговор. Говорили в основном мы с Галкой, Алиса помалкивала.

– И как ты собираешься помочь французской полиции?

– Надо заявить. Пойти в префектуру и все рассказать.

– В Париже или дома, в Пализо?

Пализо уже стало нашим домом, ну и дела!

– Это не принципиально. Главное, префектуру надо найти. Алиса, ты наверняка знаешь, где это.

Алиса вздохнула.

– Я была в префектуре лет пять назад. Я тогда работала здесь в университете, и мне надо было продлить визу. Я и поперлась. Уже в префектуре обнаружилось, что виза у меня просрочена. Вначале они со мной вообще отказались разговаривать, сразу начали орать. Потом сказали: ждите. Там такой зал большой, вдоль стен окошечки, окошечки, а посередине просители на стульях. Стулья убогие, просители жалкие. Какие-то арабы, негры, турки, русские – беженцы, и всем надо получить вид на жительство или еще что-то в этом роде. Я попала в число этих несчастных, сижу, жду, когда меня вызовут.

Я и сейчас знаю по-французски не больше тридцати слов, но кое-что из того, что мне хотят сообщить, пойму. А тогда мой родной язык за границей был английский. В префектуре устроено все безобразно, словно это не Париж, а поселок Канашкина Прорезь Таймырского района. Позвали меня к окошечку. В окошечке имеется щель. Далее надо лечь грудью на стойку и кричать в эту щель свои просьбы. У меня тогда была одна просьба – говорите, умоляю, медленнее. Умолять на крике очень трудно, а если обычным голосом говорить, то девица меня просто не слышит. И чем настойчивее я ее умоляла не торопиться – плис, пардон, мерси – тем яростнее звучала ее французская речь. Прямо как пулемет. Словом, в префектуру я не пойду. Никогда. Если вас терзают гражданские чувства, вы и идите. Но без меня.

– Мы не можем без тебя, без тебя мы немые.

– А вы жестами.

– Может, он все-таки сам собой помер, от старости? – с надеждой спросила Галка.

– Держи карман шире, – встряла я. – У него сорочка в крови. Весь воротник заскорузлый и черный. А в груди рана величиной с пятак. Я просто говорить не хотела...

– Не показывай на себе, это плохая примета, – заверещала Галка.

– Алис, пойдем в префектуру. Его похоронить надо. Что же он там... разлагается? Нехорошо это, не по-христиански.

– Ладно. Про префектуру я просто к слову сказала. Нам надо идти совсем в другое место. Дворец Консьержери видели? Тот, что построен Людовиком Красивым в незапамятном году? Так вот – там обретается штаб-квартира французской полиции. Да, я про дворец Правосудия говорю. А рядом на набережной Орфевр в полицейском управлении сидел когда-то Мегре и распутывал в клубок смотанные версии убийств.

– И как попасть к современному Мегре?

– Ну как? – вмешалась Галка. – Подходим к полицейским у входа и говорим: «Месье, в городе Пализо на улице такой-то лежит труп». Алис, ты знаешь, как труп по-французски?

– Ладно, уговорили.

Мы опять пошли на остров Сите к дворцу Правосудия. Когда мы посещали Сент-Шапель, у ворот стояли два очаровательных полицейских, один молодой брюнет, другой молодой блондин. Я их хорошо запомнила, потому что подумала тогда: какие красивые во Франции полицейские. Теперь около узорной решетки стояли мои ровесники, один пузатый и потный, он все время снимал фуражку и вытирал синим платком мокрую лысину, и другой тощий, плоский, словно из-под катка вынутый. Я представила вдруг наш разговор. Мы ему про труп в особняке, а он нам: «Ага... вы, стало быть, русские. А как вы, мадамы, туда попали? Ах, через окно? А все ли осталось на месте в том особняке после вашего внезапного бегства? А не прихватили ли вы что-нибудь из хозяйского добра? А может быть, вы сами хлопнули этого ушастого?»

Видимо, Галка почувствовала мое замешательство и поняла всю нелепость происходящего, потому что сказала решительно:

– Не надо нам туда идти. Не хочу я засовывать свою голову под мышку этому тучному. Это все равно что в петлю. Я знаю, что делать. Перекурим.

Мы опять уселись на лавочку.

– Пошлем на набережную Орфевр письмо, в котором все объясним, – предложила Галка. – Это избавит нас от личного общения и последующих неприятностей.

– Они анонимных писем получают тонны.

– Я предлагаю это сделать не из гражданских, как вы говорите, чувств, а чтобы меня совесть не мучила.

– А вдруг этот с ушами просто самоубийца, – не к месту ляпнула я. – Лег в постель и застрелился. В этом случае не полицию надо извещать, а родственников.

– А где же тогда пистолет? – Алиса посмотрела на меня осуждающе. – Там не было никакого пистолета.

– Да что мы с тобой видели-то? Может, он его под кровать успел забросить. Нам бы осмотреть все повнимательней, а мы как безумные...

– Маш, что ты плетешь? Как самоубийца мог забросить пистолет под кровать? Что-то ты темнишь.

– Ну хорошо, сознаюсь. Я на этой окаянной вилле забыла шарфик... тот, полосатенький.

– А на нем русская этикетка...

– Вот и нет. Турецкая. Я его в Коньково купила.

– Господи, ну что мы препираемся? Если французской полиции надо будет нас найти, то они найдут.

– Вопрос только – когда. Через восемь дней нас здесь уже не будет.

– Так извещать нам полицию или нет? – почти с надрывом крикнула Галка.

– А что, если дать объявление в газету? – предложила Алиса. – Во всяком случае, я знаю, как это делается. Напишем, что в Пализо по такому-то адресу в пустом доме лежит труп. Объявление пошлем в «Юманите», это дешевая газета. В конверт кроме текста надо положить чек.

– А откуда у нас чек?

– Положим деньги. Я думаю, десяти франков хватит. Только такой бумажки нет. Это монета.

– Пошлем двадцать франков.

– Это мы можем себе позволить, – сказала я. – Двадцать франков – цена трупа.

– И вовсе нет. Это цена нашей совести.

– Странно, что в Париже труп, совесть и чашка кофе в одной цене, – задумчиво подытожила Алиса. – Теперь пошли на почту. Я знаю, где она находится. Только вначале сочиним текст.

Мы сочинили. По-русски он звучал очень убедительно. Потом Алиса с помощью карманного словаря билась над французским вариантом. На почте мы все переписали начисто. Алиса сказала:

– По-моему, это не заявление, а бред. Я напишу его по-английски с просьбой перевести и отредактировать текст. Вложим еще двадцатку.

– Такой труп мне уже не по карману, – проворчала я.

– Ладно, скинемся. Еще мы должны дать наш обратный адрес.

– Ну не Пализо же им называть. Выгляни в окошко, вот тебе и адрес.

Не могу не заметить, что отправка писем во Франции с точки зрения русского человека выглядит странно. Письмо не опускают в ящик, а относят к чиновнику в окошко. Он взвешивает письмо на весах и в зависимости от веса продает марку. Мы заплатили сколько-то там сантимов. Вообще непонятно, что французы мелочатся. Я думаю, что весы, сама процедура взвешивания и чиновник при этих весах стоят дороже, чем просто марка – для всех писем, без разбору. Но, с другой стороны, всем надо зарплату получать.

10

Все произошло так быстро, что ни Клод Круа по кличке Шик, ни Третий из уже знакомой нам компании – Федор Агеевич Кривцов не смогли ни помочь, ни помешать. И вот теперь Пьер лежит у камина с пробитой башкой, а Ситцевый Додо пристроился у него в ногах, и из тощей груди его фонтаном хлещет кровь. Зачем в комнате камин – одному черту известно. Во всяком случае, Шик не помнил, чтоб его когда-нибудь топили. Не иначе как сама фортуна распорядилась воздвигнуть это сооружение в день рождения Пьера для того, чтобы в свой урочный час этот красавчик с размаху врезался башкой в необычайно острый угол мраморной каминной доски.

– Кровь надо собирать, а то нас затопит! – Шик старался говорить бодро, но зубы у него металлически лязгали. – Бери тряпку или губку. Где здесь, черт побери, какой-нибудь таз?

Кривцов не отвечал. Он сидел белый, как мел, вцепившиеся в собственные коленки руки свело судорогой, а губы тупо повторяли: «Ё-моё... это же надо! Как в боевиках... блин! Ё-моё...» Если бы Шик понимал по-русски, то его бы удивил подобный текст. Федор Агеевич ненавидел сленг и если допускал жаргон, то только свойственный изысканной московской богеме. А богема не говорит «блин», она предпочитает здоровый русский мат.

А ведь все так удачно складывалось! Они приехали в Париж ночью. Шик подремывал на переднем сиденье, вцепившийся в руль Пьер составлял с машиной одно целое, а Кривцов смотрел во все глаза, не веря своему счастью. Вот он – Париж, Мекка для всех пишущих, рисующих, играющих и танцующих. Неужели мечта всей его жизни осуществилась? Он был настолько восхищен, что утратил былую сдержанность и без конца задавал вопросы безмолвному Пьеру.

– Это ведь Нотр-Дам? Как великолепно он освещен! У французов во всем чувство меры! Сейчас будет Старый мост со статуей Генриха IV. Я не ошибаюсь? И где-то здесь рядом дворец Правосудия...

– Тьфу на тебя, – проворчал Пьер, – я предпочел бы этот дворец никогда не видеть. Для тебя это дворец, а для меня лачуга смрадная.

Пьера несказанно злил этот русский. Всю дорогу он вел себя так, словно не краденый товар вез клиенту, а путешествовал на маменькины деньги. Вопросов по существу не задавал, то есть делом совсем не интересовался, а только вертел головой, как флюгер, любопытно ему, вишь, на Европу посмотреть. Пьер знал, что русские все алкоголики, а пьяниц он не переносил. Сопливые их беседы для него нож острый. А этот сколько за дорогу коньяка выхлестал, уму непостижимо, и ни в одном глазу: «Это Дом инвалидов? Ах, ох, я себе его так и представлял! А где Лувр? Покажите, пожалуйста, где Лувр!» Тоже мне любитель прекрасного!

Прибыли на место. Домишко этот на окраине Парижа достался Шику в наследство от бездетной тетки, неряхи и пьяницы. Дом представлял из себя совершенную развалюху, хороши был только подвал и сад, но налоги за наследство содрали как за полноценное жилье. Шик только и смог, что подлатать черепицу, чтоб с неба не текло, на большее денег не хватило. Жить здесь было нельзя, но Пьер сказал, что для деловых целей лучшей крыши не придумаешь.

Машину поставили в саду, никакого гаража там и в помине не было. Две комнатенки, обставленные поломанной мебелью. Внесли матрас, неторопливо выгрузили товар. Неплохой куш, сразу видно. На заре своей карьеры Шик был обычным карманником, а потом приобщился к искусству и вошел в толк. Теперь он не хуже любого оценщика может назвать цену. Иногда, правда, и ошибешься на нуль. Полотна свертывать не стали, положили на матрас и прикрыли одеялом.

Теперь можно подумать насчет пожрать. По дороге Шик успел купить еды, не то чтобы роскошной, но желудок заполнить есть чем. Выпивка, правда, была ни к черту. И главное, эта

сволочь говорила – бургундское. Чтоб подсунули такую дрянь под видом бургундского, это надо постараться.

– Завтра в девять утра мы должны быть на месте, – сказал Пьер. – Поэтому всем спать.

– А где место-то? – невинным голосом спросил Шик.

– Там узнаешь.

Шик тихонько посмеивался в темноте, подсовывая под спину одеяло. Спина у него всегда мерзла. Пьер, конечно, думает, что он самый умный, корчит из себя супермена, но Шик давно догадался, куда они с утра направят стопы. Маленький банк на улице Сен-Лазар. Наверняка Пьер обдeldывает там свои делишки.

Шик уже всматривался в первый сон, когда раздался стук дверной колотушки, заменяющей электрический звонок. Пьер тут же вскочил на ноги и бросился к окну.

– Кто знает, что ты здесь?

– Из тех, кому надо знать, – никто.

– Кого же тогда принес черт?

– Полиция... – прошептал одними губами Кривцов, но Пьер оборвал:

– Заткнись!

Долго гадать им не пришлось, потому что они услышали гнусный и гнусавый голос Ситцевого Додо. Он устал бить в дверь колотушкой и теперь орал на всю округу:

– Открывайте! Я знаю, что вы здесь! Ваша дурацкая машина стоит под яблонями. Вы от меня не скроетесь, подонки! А этот клоповник я разнесу в щепу.

– Откуда ситцевая тварь знает этот дом?

– Он знает все, – почтительно прошептал Шик. – Не мужик, а копилка с чужими тайнами.

– Ладно, открывай.

Додо ввалился в дом, не переставая ругаться.

– Сбавь на оборотах, – негромко предупредил Пьер.

Куда там! Теперь с гневных уст слетали не ругательства общего толка, а вполне конкретные упреки. Договорились ведь, что на этой чертовой заправке он получит товар. Приехал, и нет субчиков. В его планы вовсе не входило уезжать из Бельгии. У него дела не только с такими недоносками, как Пьер, есть и достойные люди. И клиент, между прочим, бельгиец. А вместо того чтоб делать дело, он торчит в дурацком кафе и пялится на дорогу.

– Я ждал вас три часа. Три! – показал Додо на пальцах, поднося их к самому носу Пьера. – Потом стал спрашивать, а были ли здесь такие заметные-приметные – пара проходимцев. Оказывается, были, посидели полчаса и растворились.

– Ты что, совсем обалдел? – потрясенно спросил Пьер. – Ты не такой дурак, чтобы вести себя в дорожном кафе как полицейский. Или ты решил нас заложить?

– Это как посмотреть, – воскликнул Ситцевый весело. – Как вести себя будете. Ладно, дайте что-нибудь выпить.

– Коньяку? – услужливо предложил Кривцов.

Додо посмотрел на него как на привидение, он еще не сообразил, что здесь делает этот чужак.

– Коньяк мы распивать не будем, – решительно сказал Пьер, – и чем быстрее кончим разговор, тем лучше.

– Да мы его еще не начинали, – беспечно ощерился Додо.

– Мэтр в Париже?

– Мэтр уехал по делам в... Впрочем, вам это знать не обязательно. Вернется он только во вторник.

– Понятно. Мэтр в Бельгии, – прошептал Шик.

– А зачем вам понадобился Мэтр? Раньше мы отлично ладили сами. А, Пьер? Шик, объясни ему. Крот в наших делах человек новый.

Спрашивая, Додо все время осматривал комнату, а потом прирос взглядом к одеялу на матрасе, понял, что неспроста они его здесь расстелили.

– Я предпочел бы сказать об этом самому Мэтру, – веско сказал Пьер, – но на худой конец можно и тебе. Мы выходим из игры.

– Мы – это ты и Шик? – он посмотрел на последнего с сожалением, мол, ладно, если у Крота мозги расплавились, на то он и крот – подземный житель, но ты-то, старый кадр...

Шик заерзал под этим уничижительным взглядом.

– При товаре – и выходите? – продолжал Додо. – Так не пойдет, так не поступают порядочные люди, – он сорил словами, а сам прикидывал, сколько драгоценных полотен лежит под пледом. Стопочка толстенькая, наверное, не меньше десятка... Правда, десять – это он загнул, шесть... Но уж пять точно.

Ситцевый вдруг стремительно бросился в угол и со сладострастным выражением на лице, словно красавицу обнажал, сдернул закрывающее полотна одеяло. И тут же защелкал языком в упоении.

– Скажите, пожалуйста! Это кто же у нас такой будет? Неужели Малевич?

– Это Фальк, – подал голос русский. – Всем Малевича подавай!

– А это у нас будет... – Додо поднял за уголок первое полотно, стараясь рассмотреть второе.

Пьер просто оцепенел от подобной наглости, но в следующее мгновение пришел в себя и бросился на Ситцевого, стараясь оттащить его товара.

– Ты руками-то не лапай. Не твое! Жалко, Ситцевый, что мы с тобой на заправочной станции не встретились. Там бы ты на весь мир орать поостерегся. Или ты не понял?

– Отчего же не понять? Я так думаю, что ты сам клиента нашел. Шик нашел русского с товаром, это мне известно. А теперь ты сам хочешь сбыть. Ладно, имеешь право. Но потом... Слышишь, Крот, потом ты можешь так работать! А эти картины Мэтр давно ждет. И все уже оговорено, а во время игры правила менять никому не позволено.

Пора объяснить суть дела. Да, наши незадачливые герои торговали краденым. Каждый, кто смотрит видак и читает детективы, знает, что не так трудно украсть, как сбыть товар. То есть хотя воровство живописи, скульптуры и прочей старины – вещь достаточно сложная, но она ни в какое сравнение не идет с тем, чтобы заполучить нужного клиента и получить настоящую цену. Не в антикварную же лавку с товаром идти.

Идеальный вариант – заказное воровство, когда клиент точно говорит, что ему надо, не скупится при получении товара, а потом так замечает следы, что полиции здесь делать нечего. Но о подобном можно только мечтать. Обычная ситуация – это система перекупщиков, которые имеют своих агентов. Такими агентами были и Ситцевый Додо, и Шик, только первый был напрямую связан с этой акулой – Мэтром, а мелкая сошка Шик видел его считанное количество раз. Пьер в этом деле был человеком новым, на какой ниве до этого он стриг колосья – неизвестно, но в новом деле быстро вошел во вкус и шестеркой быть отказывался.

Промысел этот всегда был доходным, но наибольшего размаха в Европе он достиг тогда, когда Россия криво, косо и с оглядкой переползла на новые рельсы и оснастилась лозунгом «Вперед, к капитализму!». Не успели на Западе опомниться от такой новости, как в стране недавнего социализма начался полный беспредел. Период накопления, золотые времена! Грабь награбленное! Приватизируй, что плохо лежит. Началась полная вакханалия, а русское правительство вкупе с милицией, полицией и сознательными гражданами только руками разводили: «Черт знает что! Куда все девается?» Но тут же сами себе все и объясняли: «Прежде чем обрести капитализм, необходимо накопить капитал в отдельно взятых особенно цепких и липких руках. Да, это пиратство. Но предки у этих Рокфеллеров и Морганов тоже имели руки по локоть в крови. Только их потомки стали похожи на людей, и мы дождемся!» Страшно жить в стране, где воровство не только узаконено, но, по уверению власти, служит благим целям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.